

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ТЮРЬМА

ЗАЧЕМ СГУБИЛА ТЫ МЕНЯ?

Владимир Григорьевич Колычев
Тюрьма, зачем
сгубила ты меня?
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164030

*Владимир Колычев. Тюрьма, зачем сгубила ты меня: Эксмо; Москва;
2008*

ISBN 978-5-699-27505-2

Аннотация

Тюремная жизнь богата на всякого рода происшествя. И убийство здесь – событие не из редких. Но когда сидельцы погибают один за другим, это уже нечто из ряда вон выходящее. Начальник оперчасти майор Сизов решил провести собственное расследование серии «камерных» убийств и поплатился за это. Хорошо еще, что его самого не убили, а только покалечили. Но Сизов пошел на принцип – если начал дело, надо довести его до конца. Свидетели уверяют майора, что перед каждым убийством в тюремных коридорах появляются некие призраки. В духов Сизов не верит, зато верит в изобретательность преступников. И еще он знает, что сколько веревочке не виться...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	56
Глава 6	69
Глава 7	88
Глава 8	102
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Владимир Колычев

Тюрьма, зачем сгубила ты меня

Глава 1

Морозная ночь, свистящая выюга, залитое электрическим светом пространство между бетонным забором с «егозой» и противобеговым ограждением в густых зарослях колючей проволоки. Казалось бы, охрана периметра – дело не сложное: стой на закрытой караульной вышке, посматривай по сторонам. Но, увы, не все так просто. Под порывами ветра вышка качалась, гнусно скрипела, пугая и порождая со-суший холодок в животе. Обогреватель работал на полную мощность, люк в полу накрыт старым матрацем, под тулупом вязаный свитер, ватные штаны, валенки, а все равно холодно. Еще и обзор неважный: окошки заиндевели от мороза, белые мухи кружат в снежной карусели. И еще уныние в душе часового...

Прапорщику Рябкову больше нравилось нести службу в тепле тюремного прохода, но случился конфуз – постовой инспектор из его смены продал заключенным четыре бутылки водки. И кто-то стукнул в оперчасть. А новый началь-

ник церемониться не стал – сначала было назначено служебное расследование, затем последовали оргвыводы. Виновника происшествия уволили, а смену сослали на охрану открытого всем ветрам и морозам периметра. Стой по февральскому холоду на качающейся вышке, смотри, как бы кто из уголовников не сбежал. А более везучие за тем же периметром наблюдают из теплой дежурки, глазами видеокамер наружного слежения. Они сейчас везде, вся территория следственного изолятора вдоль и поперек просматривается. И датчики обнаружения по всему периметру – муха незаметно не пролетит. И зачем, спрашивается, нужны часовые на вышках? Анахронизм...

Расстроенный Рябков не сразу заметил человека, бегущего от мастерских к первой линии проволочного ограждения. Бежал он неспешно, плавно, без рывков и скачков. Контуры фигуры размытые, само тело светится изнутри синим мертвенным светом. Как будто фантом какой-то, призрак...

Но прапорщик Рябков точно знал, что это человек из живой плоти. А свечение и размытость – это иллюзия, которые создает вьюга в ярком, мертвенном свете прожекторов... Только непонятно, почему датчики не срабатывают, почему нет сигнала тревоги. И постовые собаки на беглеца никак не реагируют – не слышать взрывного суматошного лая.

А человек продолжает неторопливо бежать. Вот он врезается в проволочное ограждение, с невероятной легкостью проходит сквозь него. Фантастически как-то паря, движется

по запретке. До забора совсем чуть-чуть... Но ему не уйти. Прапорщик Рябков стреляет неплохо, окно уже открыто, автомат готов к бою.

На предупредительный окрик беглец не отреагировал. Дробный оглушительный стук автоматной очереди, страшные в своей убийственной силе трассеры впиваются в цель. Но человек не падает, он попросту исчезает. Как будто в воздухе растворился...

* * *

«С Новым годом, с новым счастьем...» Почти два месяца прошли с начала нового года, но не нашел Андрей счастья в личной жизни. Видимо, потому что не искал его. Нет у него любимой девушки, есть только случайные подружки. Зато новый год принес ему прибавку в зарплате – как за должность, так и за звание. В январе занял должность начальника оперчасти, а в феврале приказом сверху заменили четыре звездочки на погонах, на одну – майорскую. Звание присвоили досрочно, но, как сказал начальник следственного изолятора, в точном соответствии с реальными заслугами. И если бы только это... Квартиру ему дали. Хоть и однокомнатную, служебную, зато в новом доме и еще, что важно, недалеко от работы.

Старая «девятка» окончательно застряла в графе «вечный ремонт», на службу в тюрьму приходилось добираться по-

средством самого древнего вида транспорта – на пешемобиле. Но что такое семь-восемь минут ходьбы для молодого майора? Приятный бодрящий моцион, зарядка на весь рабочий день.

Новенькая офицерская шапка, оливкового цвета шинель с двубортным запахом, брюки наглажены до лезвенной остроты, до блеска начищенные ботинки. Легкая пружинистая походка уверенного в себе человека, военная выправка... И, главное, майорские погоны на плечах. Заместитель начальника следственного изолятора по оперативной работе следовал на службу. Утро холодное, смурное, зато настроение отличное.

Чтобы сократить путь, Андрей свернул в переулок. Ровно через две минуты он выйдет к зданию тюрьмы.

– Товарищ майор! – окликнули его сзади.

Сизов невольно вздрогнул. Не от страха – от неожиданности. Обычно он старался контролировать обстановку вокруг, и сейчас, сворачивая в переулок, он незаметно глянул назад. Никого не было. Но не прошло и минуты, как со стороны спины появился человек с грубым и густым мужским голосом.

Это был высокий лет тридцати пяти мужчина в дорогой черной куртке из стриженной норки и в кепке из того же меха. Черные волосы, длинные узкие брови, поднимающиеся к середине широкого лба, глазные впадины большие, но сами глаза маленькие, неприятного водянисто-голубого цвета.

Тонкая перегородка чуточку искривленного носа с крупными ноздрями. На нитевидных губах благодушная улыбка, а в глазах беспокойно-тревожное ожидание.

– И что дальше? – настороженно спросил Сизов.

Сознание оставалось в напряжении, а мышцы тела он расслабил. В раскрепощенном состоянии легче отразить удар.

– Разговор есть, товарищ майор, – еще шире улыбнулся мужчина.

Андрей всматривался в незнакомца. Взгляд у него закрытый, белые зубы. Черты лица суровые, а кожа свежая, здорового цвета, ухоженная. Едва уловимый запах дорогого мужского парфюма. Лицо выбрито до синевы, мелкий порез от бритвы заклеен, но не газетой, а специальным пластырем под цвет кожи... Нет, на уголовника он не похож.

– Пожалуйста.

Андрей протянул ему свою визитку.

– Сегодня запишитесь на прием, а завтра ко мне в кабинет, с пятнадцати до семнадцати...

– Ну зачем же так официально? – улыбнулся мужчина. – В кабинете по душам не поговоришь. А разговор сугубо конфиденциальный... Нас интересует подследственный Горбушин Василий Власович.

Сизов молча пожал плечами. Нет ему дела до интересов незнакомца.

– Хотелось бы видеть его в отдельной камере, без уголовных соседей, в спокойствии и безопасности.

– Чтобы вам его там увидеть, надо сначала в изолятор попасть, – усмехнулся Андрей.

– Мне там делать нечего. А Василий Власович уже там. И ему нужно создать условия. Вы могли бы посодействовать. Вознаграждение – двадцать пять тысяч в европейской валюте. Согласитесь, это не так уж и мало. За такую сумму и побег можно организовать...

– Вы еще в изолятор не попали, а уже о побеге думаете. Побег не обещаю, а одну камеру с вашим Василием Власовичем организую.

– Вы не понимаете, – нахмурился мужчина.

– Я все понимаю. Вы предлагаете взятку должностному лицу.

– Это не взятка, это вознаграждение... Двадцать пять тысяч евро. Вы пешком ходите, а могли бы ездить на новенькой иномарке. Не так уж много мы от вас требуем – всего-то создать условия...

– Нет.

– На вашем бы месте я хорошо подумал.

– Нет.

– Напрасно.

Андрей повернулся к просителю спиной. Еще не совсем рассвело, недалеко светил фонарь – незнакомец отбрасывал смутную тень. На эту тень и покосился Сизов, делая шаг вперед; если вдруг мужчина попытается ударить его в спину, он успеет уклониться.

Но незнакомец не нападал. Андрей прошел метров тридцать-сорок, обернулся. Мужчина стоял на том же месте, в руке у него дымилась сигарета.

Еще на контрольно-пропускном пункте Сизов получил информацию о происшествиях за ночь. Стрельба в карауле и смерть заключенного в общей камере. Доложил ему об этом дежурный помощник начальника изолятора.

Саша Лыпарев как был, так и оставался старшим оперуполномоченным, и в звании его не повысили, хотя должность позволяла. Но это парня мало волновало. Он служил по принципу «солдат спит – служба идет». Его интересовала не карьера, а выслуга лет. Одиннадцать лет он отслужил в рядах Вооруженных сил, почти шесть в следственном изоляторе, где месяц шел за полтора. Тридцать четыре года парню, и летом этого года его стаж составит двадцать лет, что даст ему право на военную пенсию. Саша не скрывал, что на этом его служба закончится. А начальник изолятора, в свою очередь, не скрывал, что не особо жалуется такого подчиненного. Именно поэтому, после того как майор Каракулев ушел на повышение, исполнять его обязанности назначили не Лыпарева, а Сизова. Его же и утвердили в этой должности, представили к очередному званию. А Сашу прокатили.

– Рябкова переклинило, – флегматично улыбнулся Лыпарев. – Человек, говорит, бежал. А не было никого. Ни один датчик не сработал. Да и не мог он через полосу перескочить...

– Может, померещилось? – вслух подумал Андрей.

– Может, и так, – равнодушно пожал плечами Саша. – Но на это одиннадцать патронов не спишешь.

– Разберемся. С трупом что?

– Утром просыпается, а голова в тумбочке.

– Я серьезно, – нахмурился Сизов. Не в том он был сейчас настроении, чтобы шутить.

– Ну, голова на месте. И не проснулся... Утром, подъем, а он лежит. Трясти стали, а он готовенький...

– Фамилия, номер камеры?

– Горбушин. Двести четырнадцатая.

Знакомая фамилия резанула слух.

– Горбушин?! – озадаченно протянул Андрей. – Час от часу не легче.

– Что-то не так?

– Нет, все в порядке. Все в полном порядке. Труп у нас, а в целом – лучше не бывает.

– Но я-то здесь ни при чем. Он же своей смертью помер. Фельдшер сказал, что сердечный приступ...

– Отчего сердечный приступ? Может, замордовали мужика?..

– А это не ко мне. Не моя это камера. Первухин ее ведет...

Начальник следственного изолятора задерживался. И это позволяло Сизову досконально разобраться в ситуации до совещания. Первым делом он наведалься в тюремную санчасть, где в холодной комнате лежало тело покойного Гор-

бушина.

Это был мужчина лет сорока пяти. Высокий, худощавый. Короткая стрижка, посеребренные сединой виски, широкий выпуклый лоб, глубокие морщины от носа к уголкам узкого рта. Он лежал с закрытыми глазами. Выражение лица настолько безмятежное, что казалось, он спит. Похоже, во сне и умер. Своей смертью... А может, и нет...

Затем был разговор со страшим лейтенантом Первухиным, в чьем оперативном ведении была двести четырнадцатая камера.

Валере Первухину было тридцать лет, столько же, сколько и Сизову. Не самый оптимальный возраст для старшего лейтенанта. Но служил в тюрьме он девять лет, пять из них контролером режимной части в звании прапорщика, затем, заочно окончил юридический институт, был произведен в чин лейтенанта и переведен в отдел кадров. Но что-то там у него не сложилось, и последние полтора года он служил в оперчасти под началом майора Каракулева, а затем и Сизова. По службе характеризовался неплохо. Но и упущений хватало. Впрочем, кто не без греха?

Первухин дышал тяжело, как будто только что пробежал стометровку. На пухлых щеках не совсем здоровый румянец, на лбу и обширных залысинах – испарина. Среднего роста, полный, с пузом.

Валера сел на стул без приглашения, положил на стол папку с личным делом Горбушина, достал из кармана платок,

стер испарину.

– Чего такой запыханный? – с насмешкой начальственной спросил Сизов.

– Так в камере был. В двести четырнадцатой.

– Это же рядом. Спортом, Валера, заниматься надо. Так и до инфаркта недалеко.

– Да ладно, скажешь тоже.

– Ты талию измерять пробовал? Если девяносто четыре, то ты уже в зоне риска.

– У Горбушина шестьдесят, поди, было. Как у модели. Ну и где он сейчас?

– Вот и я о том же... Как думаешь, своей смертью мужик умер?

– Это пусть врачи думают, историю болезни поднимают... А в двести четырнадцатой все спокойно было, никто ничего не видел, никто ничего не слышал.

Сизов взял дело, пролистал, но ничего сверхъестественного про Горбушина там не нашел. Обычный главный инженер райводоканала. Погорел на взятке, доказательств хватало, но следствие тянулось уже третий месяц. Настораживало только одно обстоятельство. Суд уже два раза отклонял ходатайство об изменении меры пресечения, хотя Горбушина спокойно можно было бы выпустить из-под стражи под подписку о невыезде. Но, видно, кому-то не тому он воду перекрыл... Впрочем, были у него и заступники.

Горбушину было сорок четыре года, в таком возрасте у

многих мужчин проблемы с сердцем. И Андрей бы не стал вникать в обстоятельства его смерти, если бы не сегодняшней незнакомец и не двадцать пять тысяч евро, которые он предложил за содействие.

– За двести четырнадцатой кто у нас смотрит? – спросил он. – Бархан, кажется?

– Он, – кивнул Первухин.

Бархан был уголовником с двадцатилетним стажем. Ратовал за святость и нерушимость воровских идей, в то время как сам был клиническим идиотом – в полном смысле этого слова. Учился когда-то в школе для слабоумных, читал по слогам, говорил невнятно, шепелявил. Видимо, поэтому, несмотря на свою воровскую сознательность и природную хитрость, высоко взлететь не смог. И то, что его поставили смотреть за камерой, было для него достижением.

Возможно, Горбушин умер своей смертью. Но Андрей не исключал, что смерть мог спровоцировать Бархан или кто-то из его окружения. Он знал матерых уголовников, которые могут остановить чужое сердце одним точным ударом в грудь...

– У Горбушина был конфликт с Барханом? – спросил Сизов.

– Да вроде бы нет... Да, Горбушин в карты с блатными играл, – вспомнил Первухин. – Точно не скажу, по своей воле или заставили...

– Когда играл?

– Ну, недели три назад. Может, в долги вляпался.

– За долги спрашивают, когда отдавать нечем. А Первухин человек не самый бедный. Если взятки брал.

– Не бедный... Да и не было никаких прогонов, ну в смысле почты, не просил Горбушин денег, чтобы долг отдать... Были бы прогоны по этой теме, я бы знал. За три недели точно что-нибудь бы узнал... Нет, не было движений вокруг Горбушина, – решительно мотнул головой старлей. – И вообще, я бы знал, если б над ним измывались, а то как все жил, ничем не выделялся...

– Не измывались, говоришь. А меня сегодня на гоп-стоп чуть не взяли.

– Чего? – вытаращился на Сизова Первухин.

– Он подошел из-за угла... Гоп-стопа не было, но разговор состоялся. На счет Горбушина. Просили его в одиночную камеру перевести, двадцать пять тысяч евро за содействие предлагали.

– Да нет, много слишком.

– Но ведь предлагали. А почему предлагали? Потому что проблемы у Горбушина начались. На воле о них знали, а мы – нет.

– А кто предлагал?

– Да человек один, он не представился... Ладно, будем работать. Если мокрое в двести четырнадцатой было, рано или поздно узнаем. А пока будем ждать заключения врачей...

Андрей выпроводил Первухина из кабинета, а сам отпра-

вился в караульное помещение.

Рябков выглядел подавленным. На Сизова посмотрел глазами побитой собаки.

– И вы думаете, что мне померещилось? – тяжело вздохнул он, ломая в руках шапку.

– Пока ничего не думаю. Сначала ты мне расскажи, а потом я думать буду.

– Да что рассказывать... Был человек. Был!

– Но как он первую линию пересек?

– Так и пересек... Не человек это был...

– Тебя не поймешь. То человек был, то не человек.

– Ну, не совсем человек. Его информационно-энергетическая оболочка.

Глаза Рябкова лихорадочно заблестели, губы сложились в тонкую прямую линию.

– Какая оболочка? Что ты несешь?

– Такая оболочка. Привидение это было!

– Привидение?!

– Да, привидение... А что, существование призраков и привидений – давно уже доказанный наукой факт.

– Какой наукой? Эзотерической?

– Ну, не важно... Думаете, я идиот, да? Был бы идиотом, в объяснении бы написал, что привидение видел. Но я же не псих. Я знаю, что мне никто не поверит...

– А я, значит, поверю?

– Ну, вы же начальник оперчасти. Вы должны во все вни-

кать.

– Все – понятие растяжимое.

– Такое же растяжимое, как время, – парировал Рябков. – Вы уже давно здесь, должны знать, что в двадцатых годах здесь людей пачками расстреливали.

– Ну, не пачками. И не только в двадцатых...

– Но ведь было! И в двадцатых, и в тридцатых. В подавалах расстреливали. Сколько там сейчас неуспокоенных душ, а?

– Особый блок в подвале. Склады...

– Это на первом ярусе. А ниже?.. Не знаю, слышали вы или нет, но если призрак наверх вышел, не к добру это... Мне старший прапорщик Киселев рассказывал. В восемьдесят седьмом здесь привидение видели. А на следующий день труп. Через неделю снова привидение. И снова труп...

– Байки все это.

– Байки? А говорят, сегодня труп в двести четырнадцатой нашли...

– Совпадение.

– Совпадение? – одержимо возликовал Рябков. – Значит, все-таки верите, что привидение было!

– Я верю в то, что вы, товарищ прапорщик, необоснованно открыли огонь. В результате чего был поврежден, а если точнее, уничтожен датчик движения «Ежевика»...

Рябков, удрученно свесил голову на грудь. Вяло и заученно пробубнил:

– Виноват. Дурак. Исправлюсь.

Привидения Сизова не интересовали, а морально-психологическим состоянием Рябкова должны заниматься компетентные специалисты. Поэтому разговор был закончен.

Глава 2

Воскресенье, вторая половина дня. Нормальные люди отдыхают, а майор Сизов только-только вернулся со службы. Никто не понуждал его к внеурочной работе – сам себе не давал покоя. И вовсе не потому, что трудоголик, просто делать нечего. Зима, холода, девушки в тулупах, и на любовные подвиги особо не тянет. Старость, как говорится, не радость...

Первым делом он принял душ. Привычка: пришел со службы – смой тюремную пыль и негативную энергетику. И перекусить бы не мешало. Кухня в квартире просторная, гарнитур из самых дешевых, но смотрится вполне сносно. Холодильник далеко не самый большой, но есть в нем ветчина и яйца. Можно приготовить омлет. А там в тишине и спокойствии полежать на диване перед телевизором.

Сизов снимал шкворчащую сковородку с плиты, когда в дверь позвонили. Никто из родных и знакомых прийти не обещал, а незваных гостей он не очень жаловал.

Но хмурое лицо его вмиг просветлело, когда, открыв дверь, он увидел незнакомую прелестную девушку лет двадцати. Яркая белозубая улыбка, светлый взгляд больших карих глаз, озорной румянец на нежных щечках. Высокая, стройная, выщипанные волосы пепельного цвета. Само обаяние и оболечение. Андрей смотрел на нее с открытым ртом, не

в состоянии что-либо сказать. И она какое-то время молча смотрела на него, продолжая улыбаться. Но ее радость адресована была кому-то другому, не ему.

– А ты, наверное, Гена? – спросила она.

Голос глубокий, звонкий и завораживающий.

– Нет, – ошеломленно мотнул головой Андрей.

– А Гена где?

– Нет здесь Гены.

– А он мне и не нужен. Я к Сергею приехала.

– И Сергея здесь нет.

– Как это нет?

Возмущение согнало улыбку с ее лица. Но волнующая красота продолжала пленить.

– И не было никогда. Это моя квартира...

– Может, я адресом ошиблась?

– Улица Мира, дом номер восемнадцать, квартира во-семь?

– Правильно... А город – Рубеж?

– Рубеж. Другого здесь и быть не может...

– Тогда и Сергей должен быть здесь, – бледнея, сказала девушка.

– Боюсь, что вы ошиблись.

– Боюсь, что нет...

Она покачнулась, рефлекторно оперлась рукой о стену, чтобы не упасть.

– Он меня обманул...

– Кто, он? – спросил Андрей.

Но она отрешенно и вяло отмахнулась от него. Медленно и неуверенно повернулась к нему спиной, шатко шагнула к лестнице. На улице мороз, а на ней тонкое невзрачное пальтишко, и голова не покрыта. И, видимо, девушка не местная.

– Постой! – окликнул ее Сизов. – Хоть чаю на дорогу попей.

– Чаю? – остановившись, спросила она. Обернулась к Андрею, вымученно улыбнулась.

– Тогда лучше кофе.

– Прошу!

Переступив порог, она застыла, словно в раздумье: идти дальше или не идти. С какой-то обреченностью повела рукой и сделала шаг вперед. Как будто ей нечего было терять.

– Да ты не бойся, я не обижу, – заверил ее Андрей.

– Все так говорят...

В прихожей она остановилась, прислушиваясь.

– Ты чего такая пугливая?

– Ты один?

– Уже нет. С тобой нас двое.

– Лучше я пойду...

– А запах чувствуешь? – подзадоривая, улыбнулся ей Сизов. – Омлет с ветчиной. Только что с пылу-жару...

– Омлет? Пахнет вкусно. – Сглатывая слюну, девушкаглянула в сторону кухни.

– Там как раз на двоих.

– Ты меня дразнишь.

– Нет, я тебя угощаю.

Он мягко коснулся ее плеча, призывая снять пальто. Она послушалась. Осталась в кофточке нежного персикового цвета, в короткой черной юбке. Нагнулась, чтобы снять ботфорты на тонком высоком каблуке.

Андрей не был большим знатоком женской моды, но мог отличить дорогую обувь от дешевой. И от него не ускользнуло, что ее сапоги стоят гораздо больших денег, чем пальто.

– Это совсем не обязательно, – сказал он, осторожно поглядывая на ее спину, заметно сужающуюся книзу.

Красивая у нее спина, талия тонкая...

– Как скажешь, – она разогнулась, тряхнув мокроватыми после снега волосами.

– У тебя фен есть? – уже на кухне спросила девушка.

– Нет. Не пользуюсь. Стрижка у меня, как видишь, короткая.

– А что, в этом доме не водятся женщины? Она с интересом смотрела на Андрея.

– Нет. Жены нет. Сестры нет. Мама живет отдельно.

– Ты не говоришь, ты рапортуешь, – оттаивая, улыбнулась девушка. – Прямо как мой папа... Он у меня тоже военный. Был.

– Что, значит, был?

– Умер. Уволился со службы, загрустил и умер. Ничем никогда не болел. Но сгорел за два года...

– Бывает, – со знанием дела кивнул Андрей.

Он и сам знал несколько случаев, когда вышедшие на пенсию офицеры умирали от тоски по службе. Жить бы да радоваться, а не нет...

– Да, кстати, меня Олеся зовут... Если тебе интересно.

– Интересно. Очень. А я – Андрей.

– И где твой обещанный омлет с ветчиной? – уже совсем раскрепостившись, улыbnулась девушка.

Ела она с аппетитом, но медленно, изящно управляясь ножом и вилкой. Андрей посматривал на ее руки – кожа нежная, полупрозрачная, пальцы длинные, наращенные ногти окрашены под цвет губ.

Кофе он приготовил в чайных чашках. Обычный растворимый «Нескафе» залил кипятком, сыпанул на блюдце рафинадных кубиков, вскрыл и поставил на стол банку со сгущенным молоком. На выбор – чем хочешь, тем и подслащай. Нехитрая процедура.

– А ты кофе не варишь? – как бы между прочим спросила Олеся.

– Увы. И кофейных чашек нет. Еще не обзавелся.

– И не обзаведешься. Пока не... – Олеся замолчала, не договорив.

И Сизов не стал настаивать на продолжении.

– Холостяцкая у тебя квартира, – отпив глоток, сказала девушка. – Но уютно.

– Это потому что здесь тепло. А на улице холодно.

– Холодно, – расстроено кивнула она. – Очень.

– А ты сама откуда?

– Оттуда, – кивнула Олеся в сторону Москвы. Немного подумав, добавила: – А если точнее, с Украины. Из Донецка.

– Почти Россия.

– Почти – не считается, – невесело усмехнулась она. – Поэтому в Москве мы все равны. Что украинцы, что таджики – все одно... Только ты не подумай ничего.

– А что я могу думать?

– Ну сложился же стереотип, что если с Украины, значит, проститутка...

– Не знаю.

– Да ладно, не знаешь... Не проститутка я...

– Я тебя ни о чем не спрашиваю.

– Ладно, не спрашиваешь. Взгляд у тебя цепкий, как у мента... Ой, а может, ты из милиции? – спохватившись, Олеся смягчила тон.

– Почти.

– И у тебя «почти»?

– Да, но в моем случае оно считается. В следственном изоляторе я служу, начальник оперативной части.

– Следственный изолятор? – задумалась она. – Это тюрьма, что ли?

– Что ли.

– Упс-с!

– Каждому свое.

– Да я ничего. Тюрьма – это даже интересно.

– Ничего там интересного нет.

– Зачем же ты тогда там служишь?

– Я слышал про службу по призванию, но не слышал про службу по интересам...

– У тебя призвание?

– Не уверен. Но мне нравится.

– Квартира твоя?

– Моя. Бонусы по службе.

– А-а... Не плохие бонусы... Однокомнатная?

– Был бы женат и с ребенком, дали бы двухкомнатную. С двумя детьми – трех...

– Так почему не женишься?

– Да так, – неопределенно пожал плечами Андрей. Рука невольно потянулась к пачке сигарет. – Я закурю, ничего?

– У себя дома, еще и спрашиваешь, – удивленно глянула на собеседника Олеся.

Он ожидал, что она закурит вместе с ним. Но нет, даже взглядом не выдала своего пристрастия к табаку. По всей видимости, за отсутствием такового.

– Мне, наверное, уже пора, – сказала девушка, допив кофе.

– В твоём «наверное» звучит сомнение, – заметил Андрей.

– Холодно.

Ей удалось одним словом выразить состояние своей души.

Вроде бы пора и честь знать, но на улице непогода. А в доме так тепло...

– В Москву как возвращаться будешь, на электричке или на автобусе? – спросил Сизов, чтобы заполнить паузу. – Или такси возьмешь?

– А ты что, меня уже гонишь? – с легкой иронией спросила девушка.

– Да нет, – замялся Андрей. – Но ты же сама сказала, что пора...

– Пора, – кивнула Олеся, решительно поднимаясь со своего места. – Приятно было познакомиться.

– Мне тоже.

Он мог удержать ее, оставить у себя. Но есть ли в том смысл? Олеся слишком красива для того, чтобы связать свою жизнь со служивым человеком со скромным жильем и невысокой зарплатой. Был у него печальный опыт, знал он, чего хотят от жизни прелестные вертихвостки. Если замуж, то за богатого, чтобы подороже продать свою красоту... Может, Олеся и не такая, но он боялся обжечься...

Андрей подал ей пальто, помог одеться. И застыл как истукан.

– Может, до вокзала проводишь? – с мягким укором спросила гостя.

– А-а, да! – встрепенулся он.

Он мог надеть шапку, но из солидарности с Олесей оставил ее дома.

Они вышли на лестничную площадку, Андрей нажал на кнопку вызова лифта.

– Ой, у меня, кажется, сыро в сапогах... – жалостливо улыбнулась она. – Пока в тепле была, не замечала... Ладно, ерунда...

– Сейчас ерунда. А завтра – воспаление легких. Пошли обратно...

Дома он заставил Олесю снять сапоги и колготки, набрал в эмалированный таз горячей воды, сыпанул туда горчицы. Вдобавок ко всему закутал ее в плед. Сапоги поставил сушиться на батарею.

– Спасибо тебе, – благодарно улыбнулась девушка. И, опечаленно вздохнув, добавила: – Сергей бы меня в койку потянул обогреть. А это мне сейчас не нужно. Твоя забота больше согревает... Я, кажется, что-то про койку сказала? – спохватившись, сконфуженно спросила она. – Я бы еще не согласилась... Сволочь он. Какая сволочь!.. Я из Москвы, на электричке, как дура, а он здесь и не живет... Обманул...

– Может, ты просто адресом ошиблась? Квартира другая или дом. Может, не восемнадцать дом, а восемьдесят...

– Нет, ошибка у него в голове, – горько усмехнулась Олеся. – Когда его мобильник перестал отвечать, я еще могла на что-то надеяться. Приехала сюда, по адресу, который он мне дал. А тут полный облом... А ведь я из-за него с одним человеком рассталась. Квартира у него на Бульварном кольце, «Мерседес», свой бизнес... Ну, не молодой, ну, толстый

и плешивый. Зато не женатый... Это я о чем? – снова спохватилась она.

– О своей личной жизни.

– Ну да... Что было, то было... Да, в Москву я не просто так приехала, устроиться хотела, почти повезло... А тут Сергей. Любовь-морковь... Любились, пока Паша не застукал... Паша прогнал, Сергея нет. И куда мне теперь? Не домой же возвращаться?..

– А что, дома плохо?

– Скажем так, не фонтан... Ты только не подумай ничего, как-нибудь выкручусь...

Ее улыбку даже с натяжкой нельзя было назвать милой. Злости в ней не было, но думала она о чем-то жестком и меркантильном. Понять ее было нетрудно. Ни жилья, ни гражданства, и Москва слезам не верит...

– Выкрутишься... Учишься где, работаешь?

– Не учусь, не работаю. Паша обещал в институт летом устроить, на платный... Сейчас, наверное, Аньке обещает. Была у него одна на примете, сто пудов, с ней сейчас крутит... Ничего, как-нибудь без него обойдусь...

– Как-нибудь ты у меня переночевать можешь.

Андрей уже почти точно знал, что не ошибся в морально-психологическом облике Олеси. Ее только одно волнует – как покруче устроиться в этой жизни. И ей все равно, с кем жить, с красавцем или уродом, лишь бы квартира была на Бульварном кольце, «Мерседес», бизнес. Главное, чтобы

жизнь в красочной упаковке...

– Андрей, ты просто прелесть! – взбодрившись, расцвела Олеся.

– Тебе в ванную надо, – сказал он. – А я пока в магазин схожу.

– Зачем?

– За клюквенной настойкой. Любую хворь на корню вырубает.

– А что, это вариант! – весело улыбнулась девушка.

Олеся распарилась в ванной, с удовольствием вошла в халат Андрея, затем забралась и в его постель. Немного полежала, села, закутавшись в одеяло и подобрала под себя ноги. Он поставил журнальный столик перед диваном, сел рядом с ней, откупорил бутылку.

Клюквенная настойка сначала бросила их в жар. А спустя какое-то время – в объятия друг друга.

Андрей понимал, что для Олеси он – промежуточный вариант: жить с ним она будет до тех пор, пока не найдет богатого жениха или хотя бы любовника. Да и сам он не хотел усложнять с ней отношения. Чтобы не болела потом душа, когда Олеся упорхнет на золотой огонек. Он решил относиться к ней, как к небольшому, веселому приключению...

Глава 3

– Что это такое? Я спрашиваю, что это такое?!

Сначала он тыкал в монитор компьютера пальцем. Затем яростно схватил за волосы свою жену, приложил головой о светящийся экран.

Георгий Карцев вышел из себя и готов был взорваться изнутри от возмущения, в которое ввергли его вывешенные в Интернете фотографии его жены. Сауна, мужики, она среди них. Все пьяные, но все в туниках из простыней, только Катерина совершенно голая. Весело ей. Сидит на лавке в чем мать родила, улыбается, машет рукой в объектив.

– Я еще раз спрашиваю, что это такое?

Он сбил жену с ног, занес над ней кулак.

– Но ведь не было же ничего!.. – обхватив голову руками, всхлипнула она. – Они отдельно, мы отдельно...

– Кто мы? Кто они?

– Ну мы с Лизкой... А мужчины потом ушли...

– Правильно, после *тогои* ушли!

– Не было ничего!

– А что было?

– Корпоративка была, напились, в сауну поехали. У Лизки фотоаппарат был... Я разделась... Дура, сама не знаю, что на меня нашло...

– Ты не дура, ты – шлюха!

– Пьяная была! Гоша, прости!!!

– Точно ничего не было?

– Ну там же Игорь Иванович и Борис Викторович. Они не могли...

– Они не могли, а ты, значит, могла!

– Я – нет! Точно нет!

– Но ведь разделась...

– Сказали раздеться, я разделась... Пьяная была, ничего не соображала... И Лизка пьяная была. Если б что-то было, она бы это «что-то» на фото сняла. Ты бы все видел...

– Сука!

– Прости!

– А фотки кто в Сеть вывесил?

– Не знаю.

– Лизка?

– Может быть... Она же меня подсиживает. Улыбается, а у самой камень за пазухой...

Екатерина работала в банке начальником кредитного отдела. Приличная зарплата, соцпакет, бонусы, премии... Но, главное, она содействовала Георгию в оформлении кредитов. У него сеть мебельных салонов, деньги в обороте, иной раз не обойтись без займов на стороне... Но ничего, он обойдется и без пособников. Тем более, что его кредитная история не вызывает сомнений...

– Уже подсидела! Завтра же напишешь заявление об увольнении, ты меня поняла! Дома будешь сидеть!.. На весь

город опозорила, сука!

Георгий с трудом удержался, чтобы не пнуть жену. Но не смог отказать себе в глотке виски. Полез в бар, откупорил бутылку «Уокера», припал к горлу и пил, пока спазмы не пережали горло.

– Что мне с тобой делать? – с ненавистью глядя на жену, спросил он.

– Ты же сказал, дома сидеть...

– Дома будешь сидеть, дрянь...

Больше всего он склонялся к мысли выгнать Екатерину из дома. Но рука не поднималась показать ей на дверь. Не мог он без нее, любил стерву... Да и не стерва она вовсе. Нормальная жена, добрая, заботливая. А то, что перебрала на корпоративном банкете, так это с каждым может случиться. Тем более, что никаких праздных междусобойчиков в ее жизни больше не будет... А с Лизой нужно разобраться. С Елизаветой Сергеевной, мать ее...

Лиза была младше Екатерины лет на пять, но не казалась моложе, чем она. И вовсе не потому, что выглядела плохо. Просто Екатерина могла дать фору любой молодой красотке. Была в ней сочная изюминка, которая позволит ей и в сорок лет быть такой же свежей и элегантной, какой она выглядит сейчас, в свои тридцать два года... Нет, таких женщин не бросают. А их врагов – наказывают...

Да и как он мог ее бросить, если ребенок у них, сыну всего пять лет... Нет, бросать он ее не станет. Но в ситуации

разберется...

Карцев не стал строить план мести, он просто направился к Лизе. Баба в разводе, живет одна в квартире, доставшейся от мужа. Однажды он был с Екатериной у нее в гостях – адрес известен...

Лиза была дома. Открыла дверь, но в дом впускать не стала: ее смущала угроза в его взгляде.

– Гоша, что с тобой?

– Во-первых, не Гоша, а Георгий Степанович. А во-вторых, мне надо с тобой поговорить! Ты, наверное, знаешь, о чем!

– Понятия не имею... Ну проходи...

Она с опаской посторонилась, пропуская его в дом.

Смотрелась она соблазнительно. Пышные после бигуди каштановые волосы, смазливое личико, короткий шелковый халатик – похоже, белья под ним не было. А поясок развязывался легко... Глядя на нее, Карцев почувствовал, что успокаивается вверху, но распалается внизу.

– Развратом занимаешься? – возбужденно спросил он.

– Чего?! – не очень сильно возмутилась Лиза.

– Катьку в бане фотографировала?

– Когда?

– Двадцать второго февраля!.. А что, еще и раньше было?

– Я тебя умоляю!.. А двадцать второго да, было. Напоздравлялись до синьки, в сауну потянуло... Но ничего не было... Катька, может, и не против была, но мужики не риск-

нули...

– Катька не против была? – вскинулся Карцев.

– Ну, мне так показалось... А Игорь с Борькой знают, кто ты. Им проблемы не нужны...

Георгий и сам знал, что кое-что значит в этом мире. Бизнес у него, может, и не очень крупный, но кулаки внушительных размеров. А если что, и друзей своих позвать может...

– А тебе проблемы нужны? – хищно сощурился Карцев.

– Нет, – робко мотнула головой Лиза.

– А фотографии зачем в Инет вывесила?

– Я?! Фотографии?! Какие фотографии?!

– С Катькой! В бане!

– Не вывешивала я ничего... Может...

– Что, может?

– Ну, я фотографии в печать сдавала. Может, их в пункте печати перехватили, а?

– Кто?

– Ну мастер... Мало ли в городе идиотов. Снимают друг друга, когда сексом занимаются, а потом фотки печатают. И мастера не дремлют, собирают картинки, а потом в Интернет продают, провайдерам там всяким...

– Ты мне мозги не вправляй. Скажи лучше, кому сама эти фотки продала?

– Не продавала я.

– Значит, за так отдала. Чтобы Катьку опозорить... Могу тебя поздравить! Катька увольняется с работы!

– И чему радоваться? Мы без нее как без рук!

Лиза смогла выразить огорчение только на лице, но в глазах угадывалось ликование.

– Кого ты лечишь, змея? Я ж тебя сейчас по стенке размажу!

– Не надо!

Она испуганно закрыла лицо руками. И Карцев тут же воспользовался этим. Дернул за поясок, и узелок на нем с легкостью развязался, полы халата сползли в сторону, обнажая тонкую бороздочку интимной стрижки...

– Или по кровати...

– Лучше по кровати, – кивнула она, скидывая с себя халат. – Ты мне всегда нравился, – плотно прижавшись к нему, взвинченно прошептала она. – Наконец-то...

Карцев не пытался сдерживать себя...

* * *

Он сидел в своем кабинете и в буквальном смысле считал ворон, усеявших своими черными тушками ветви раскидистого дерева. Надо было хоть чем-то отвлечься от дурных мыслей.

Ему казалось, что подчиненные посмеиваются над ним, подленько хихикают ему в спину. Компьютеры сейчас в каждом доме, и редкий мужик откажет себе в удовольствии побродить по порнографическим сайтам. А это значит, что за

его женой закрепится дурная слава потаскухи, а за ним – ро-гоноса.

Жаль, не догадался он вчера сфотографировать Лизу в откровенных позах, а то было бы чем нанести контрудар. Сам бы разместил ее фотосессию в Интернете. Лиза хоть и не за-мужем, но стремится к этому, а значит, ей такое «счастье» радости бы не принесло...

Ничего, у него еще есть возможность отыгаться. Он у нее паспорт свой как бы случайно оставил. Чем не повод зайти к ней сегодня вечером. Фотокамера есть. И ей отомстит, и жене заодно...

В дверь постучали. Карцев открыл было рот, чтобы крик-нуть привычное для таких случаев «да», но посетитель не стал дожидаться разрешения. В кабинет уверенно вошли двое мужчин – один в неряшливой куртке-аляске, другой в дешевой синтетической дубленке, и оба при этом надутые как индюки.

– Я не понял! – набычился Карцев.

Но красные корочки с золотым тиснением мигом сбили с него спесь.

– Майор милиции Седов, – представился один, крепкий, коренастый, с мрачной физиономией бывалого зэка.

– Ну и зачем?

– А то вы не знаете, – надменно усмехнулся второй, худой, с большими глазами и кроличьим прикусом зубов.

Он тоже показал удостоверение, назвал, но Карцев рас-

слышал только его звание. Фамилии не разобрал. Капитан какой-то...

– Мой вам совет, сразу во всем признаться. Глядишь, еще успеем явку с повинной оформить.

– Какая явка?! – возмутился Карцев. – Вы вообще к кому пришли?

– К вам, Георгий Степанович, к вам. Поговорить с вами хотим. О ваших отношениях с гражданкой Пахомьевой Елизаветой Михайловной. Или вы не знаете такую?

– Знаю, – чувствуя, как немеют поджилки, кивнул Георгий.

– Ну и что вы скажете про нее? – в упор, немигающе смотрел на него Седов.

– Это было по взаимному согласию! – поторопился оправдаться Карцев.

Он знал несколько случаев, когда женщина обвиняла мужчину в изнасиловании, которого не было... К тому же он знал одного человека, который жестоко пострадал из-за навета... Неужели теперь его самого подставили?..

– Но ведь было.

– Было. Но по взаимному согласию.

– То есть избili вы Пахомьеву по ее согласию.

– Я ее не избивал...

Карцев почти физически ощущал, как его затягивает в себя трясина непонятных ему обстоятельств. Он не знал, что избил Лизу, но понял, что эта стерва сняла побои и заявила

на него в милицию. И у него вчера, как назло, не было при себе презервативов. Ведь экспертиза не только побои освидетельствует...

– Тогда почему на теле у нее синяки?

– Кожа у нее нежная... А мы так бурно... Я не знаю, откуда у нее синяки... Она что, заявление на меня написала?

– А вы что, ее насильовали?

– Нет.

– Тогда почему вы думаете, что она должна написать заявление?

– Зачем тогда она побои снимала?

– Не снимала она побои... Вы что, действительно, не понимаете, что происходит?

– Понимаю... Но я ее не насильовал. Все по взаимному согласию... Правда, я сначала ей угрожал...

– Угрожали? Чем?

– Ну, она подло поступила. По отношению к моей жене...

– А что именно она сделала?

– Не важно... Хотя вы все равно узнаете... Она сняла мою жену, когда... В общем, на Кате ничего не было, а она ее сняла на цифровую камеру, а снимки сбросила в Интернет...

– Зачем?

– Екатерина – начальник отдела в банке, Лиза – ее заместитель. Вот теперь и соображайте...

– Так, понятно... Значит, вы ей угрожали.

– Да... Но потом мы помирились...

– То есть?

– Ну, так вышло, что мы оказались в одной постели, – сказал Карцев. – От ненависти до любви – один шаг...

– Вопрос в том, шагнули вы обратно или нет, – задумчиво изрек Седов.

– Это вы о чем?

– О том, что в постели не только мирятся, но и убивают... Отелло, например, задушил свою Дездемону. Сначала задушил, а потом решил помириться... А вы до этого с ней помирились, так я понимаю?

– С кем, с Дездемоной?

– Нет, с Пахомьевой.

– Ну да, помирился...

– А потом уже задушили...

– Она говорит, что я ее душил?

– Не душил, а задушил... Вы ее насмерть задушили, гражданин Карцев. Насмерть!

Последнее слово колокольным звоном отдалось в ушах. И перед глазами все поплыло.

– Насмерть?.. – ошалело пробормотал Карцев. – Как же она тогда заявление написала?

– Какое заявление?! – Седов оглушительно хлопнул по столу большой лопатистой ладонью. – Не могла она написать заявление! Мертвая она!

– Как это мертвая? – потрясенно пробормотал Георгий.

– Мертвее не бывает!.. Паспорт ваш где?

– Э-э, нет его здесь...

– Правильно. Вы забыли его у гражданки Пахомьевой дома.

– Да, забыл...

– Или обронили, когда убегали с места преступления...

– Не ронял я ничего. На столике в прихожей мой паспорт лежал.

– Да нет, у двери в прихожей он валялся...

– Но я не убегал с места преступления.

– Это вы отрицаете. А то, что на месте преступления были, не отрицаете?..

– Нет... То есть не был я на месте преступления...

– Задушить женщину – для вас не преступление?

– Не душил я никого. И путать меня не надо... И вообще, я не хочу разговаривать с вами в таком тоне, тем более, без адвоката...

– Об адвокате я вам советую позаботиться. Он вам понадобится, гражданин Карцев. Очень понадобится.

– Но я ни в чем не виноват.

– Следствие разберется.

– Какое следствие?

– Уголовно-процессуальное. Вы задержаны, гражданин Карцев, – решительно поднимаясь с места, заявил Седов. – Собирайтесь, поедемся в отдел.

– Но вы не имеете права! – в полубессознательном состоянии пробормотал Георгий. – У вас нет доказательств.

– Но вы же сами признались, что у вас был секс с гражданкой Пахомьевой.

– Не было ничего.

– А паспорт?

– Я не знаю, как он там оказался...

– Это вы своему адвокату расскажете. Советую не сопротивляться, иначе мы вынуждены будем применить силу.

Карцев был вынужден подчиниться. Порог своего кабинета он переступал в паническом страхе, как будто ступал в бездну...

Глава 4

Олеся не торопилась уходить из его жизни. Сначала она просто жила с Андреем, со временем ей захотелось взять на себя заботу о домашнем быте – однажды она привела квартиру в порядок, приготовила скромный, но вкусный ужин. И вела она себя непритязательно. Даже не пыталась намекнуть, что ей пора обновить гардероб или подкорректировать свою внешность в салоне красоты. И еще Олеся понравилась маме Сизова, и уже одного этого было достаточно, чтобы Андрей начал строить серьезные планы на совместную с ней жизнь.

Но не спешил он делать ей предложение. Чем больше хорошего он замечал за Олесей, тем тревожней становилось на душе. Все чаще он вспоминал избитое, но иногда сбывающееся предостережение, что в тихом омуте черти водятся. Он очень боялся разочароваться в девушке...

Олеся не требовала от него денег, но как должное приняла его собственную инициативу сходить в ресторан. Андрей решил не мелочиться, поэтому для романтического ужина был выбран самый лучший в городе ресторан.

Олеся располагала неплохим гардеробом. На третий день после знакомства девушка съездила в Москву, привезла два чемодана вещей, которые, как она говорила, хранились дома у ее подруги. Может, у бывшего своего сожителя она их забрала, но Андрей в это не вникал. Что было, то было, лишь

бы дальше все шло гладко.

В ресторан девушка надела изящное и совсем не крикливое платье – средней длины, без шаловливых разрезов и сумасшедших декольте. Все чинно, прилично, но выглядела она сногшибательно. Мужчины задерживали на ней взгляды, дамы хмурились, наблюдая за нездоровой реакцией своих кавалеров. Молоденький официант чуть не споткнулся, засмотревшись на нее.

На присутствующих в зале мужчина она не обращала внимания. Казалось, в этом мире для нее существует один только Андрей Сизов. И еще подкупала трезвость ее мышления: она не позволила своему кавалеру раскошелиться на дорогой заказ. Единственное, что она разрешила парню купить, – бутылку дорогого французского вина. Олеся изящно держала бокал в руке, согревая вино теплом своих пальцев, и, смакуя, пила благородный напиток.

Андрею приятна была мысль, что эту желанную для многих девушку в постель сегодня будет укладывать он, а не кто-то другой. И сегодня, и завтра... Хотелось, чтобы всегда...

– Мы бы могли прихватить бутылочку с собой, – сказал он.

– Хочешь уйти? – понимающе улыбнулась она.

– Ну, не сейчас...

– Да, посидим немного и пойдем. Продолжим дома... Мне больше нравится быть с тобой вдвоем. А вино лучше в магазине купить, так вдвое дешевле. И совсем не обязатель-

но брать высшего качества, можно местное взять, лишь бы французское. Оно еще дешевле и на вкус бывает очень даже приятное. Столовое не надо, это из разных сортов и разных стран. Хотя и столовое бывает очень вкусным, но это как повезет...

– Приятно осознавать, что ты разбирается в вине, – не очень весело сказал Андрей. – И грустно думать, что придется на нем экономить...

– Ты же не виноват в том, что у тебя маленькая зарплата, – спокойно, без осуждения сказала Олеся.

– Не виноват.

– И не в деньгах счастье...

– Не все так думают.

– Но я думаю именно так... – мягко, утешающе улыбнулась она. – Хотя, конечно, не ушла бы от тебя, если бы ты вдруг стал зарабатывать во много раз больше...

– Я не могу зарабатывать во много раз больше.

– А никто этого от тебя и не требует...

– Тем более, что требовать бесполезно.

– Вот именно... Знаешь, мне кажется, что ты меня боишься.

– Боюсь? – удивленно повел бровью Андрей. – Нет, не боюсь.

– А может, все-таки?

– Может быть, опасаясь. Без тебя опасаясь остаться...

– Это комплекс. Откуда он у тебя?

– Оттуда... Девушка у меня была, – с трудом начал рассказывать он. – Работала в прокуратуре, капитан юстиции...

– Красивая?

– Если честно, очень...

– В прокуратуре? И очень красивая?.. Но не могла же она быть красивее меня?

– Нет.

– Ну ладно, тогда можешь продолжать... Ты ее любил?

– Ну, что-то в этом роде... Думал, у нас все серьезно, в одной системе работали, общность интересов, все такое. Она говорила, что не может без меня... А замуж за миллионера вышла, в Москве сейчас живет.

– Если вышла, значит, спрос был.

– Так и на тебя спрос должен быть. Ты очень-очень красивая...

– Не все так просто... Знаешь, я не буду тебе ничего обещать. Но увидишь, я буду с тобой, несмотря ни на что. Пока не надоем тебе, пока ты сам меня не прогонишь...

– За меня можешь не беспокоиться.

– Отлично. И я за себя спокойна... Слушай, ты когда догадаешься пригласить даму танцевать?

– Догадаюсь, – улыбнулся Андрей.

Поднялся сам, подал Олесе руку, повел ее в круг перед эстрадой, где музыканты играли медленную мелодию. Бережно взял девушку за талию, она нежно обвила руками его шею. И в упоении, закрывая глаза, прошептала:

– Для полного счастья осталось только услышать признание в любви.

– И тогда, правда, будет полное счастье?

– Даже не сомневайся... Не комплексуй, обними меня покрепче. И давай помолчим... Как же все-таки с тобой хорошо...

Андрей также был близок к тому, чтобы закрыть глаза от удовольствия. Но неожиданно перед глазами возникла шокирующая картинка. В нескольких шагах от него плавно покачивалась в медленном танце его бывшая любовь.

Вика смотрела на него, не отрывая взгляд. В глазах – смешанные чувства: радость встречи, возмущение и ревность. Щеки пылают, рот слегка приоткрыт... Танцевала она со своим мужем. Максим – так, кажется, его звали. Трудно судить, как она обходилась с ним в жизни, но сейчас она крутила им, как хотела – не позволяла ему повернуться к Андрею лицом. Или сама не хотела обращаться к нему спиной, или не желала, чтобы муж видел его. Так или иначе, она имела возможность неотрывно смотреть на Сизова, испепеляющим и в то же время его ласкающим взором.

Олеся, похоже, почувствовала, как напрягся Андрей, заподозрила неладное – открыла глаза и устремила взгляд на Вику. А та и не думала отводить глаза в сторону.

– Ты ее знаешь? – тихо, с возмущением спросила Олеся.

– Э-э, да... Работали вместе, – не совсем обдуманно ляпнул Андрей.

– В прокуратуре? – догадалась она.

– Я там не работал...

– Она работала!.. Пошли!

Олеся чуть ли не силой потащила его к столику. И показала на свое место, с которого он не мог видеть Вику.

– А она красивая. – Олеся пыталась казаться спокойной, но голос ее подрагивал от ревности. – Даже красивей, чем я.

В чем-то она была права. Вика действительно была красавицей. Черные, блестящие волосы, волнующие глаза... Будь у нее обыкновенное лицо, из-за своих глаз она все равно казалась бы красавицей. Но лицо у нее не обыкновенное – правильные выразительные черты, совершенная форма носа, большой чувственный рот. И фигура на загляденье...

– Одевается хорошо, – продолжала Олеся. – Платье тысяч за пятьдесят. Видно, что муж при деньгах... И совсем не старый...

Андрей заметил, что на Вике шикарное вечернее платье, но даже не подумал о том, сколько оно может стоить. А Олеся всего лишь мельком глянула на нее, и уже все оценила. В том числе и мужа...

– Завидуешь? – хмуро спросил он.

– Кому, ей? С чего ты взял?

– Платье за пятьдесят тысяч, моложавый муж при деньгах...

– Пусть она мне завидует... А она мне завидует. Я же вижу... Может, у тебя и нет миллиона долларов, но мужской

силы в тебе на миллиард. Это я тебе как женщина говорю... Андрей, я ревную... Не могу в это поверить, но я ревную...

– Почему не можешь поверить? – испытывая блаженство улыбнулся он.

Андрей и сам подозревал, что есть в нем нечто, что привлекает женщин. Об этом говорила ему Вика. Теперь на ту же мысль наводила его и Олеся. Приятно было услышать о своей неординарности от девушки, с которой он совсем не прочь был связать свою дальнейшую жизнь. А еще приятно было осознавать, что Олеся его ревнует.

– Потому что... Мне кажется нам уже пора.

– Пора.

Вика была красива, и, может быть, любовь к ней «угасла не совсем». Но он без сожаления решил покинуть ресторан, в котором он мог видеть ее, встречаться с ней взглядом.

Андрей бросил взгляд назад в поисках официанта и увидел вдруг человека, который две-три недели назад подходил к нему с просьбой помочь ныне покойному Горбушину. Незнакомец стоял у самого входа в зал, смотрел на Вику, сидевшую за столиком в компании своего мужа.

– Я сейчас!

Андрей поднялся, чтобы подойти к мужчине. Но тот заметил его, в замешательстве подался назад, спиной открыл дверь и скрылся в холле. Он был в костюме, а на улице холодно – он не мог покинуть ресторан, не получив обратно теплую одежду. Но возле гардеробной его не было, зато у

дверей стоял швейцар в синей с золотом ливрее. Андрей не считал себя большим специалистом в области физиогномики, но все же он понял, что этот человек с лицом чинного пройдохи не скажет ему и слова правды без денежной приправы. Но и сам швейцар, оказывается, разбирался в людях. Сосредоточенно-строгий взгляд Андрея не напугал мужчину, но заставил смекнуть, что на деньги лучше не намекать. Четким, хорошо поставленным голосом Андрей спросил, куда подевался черноволосый мужчина в темно-сером костюме; ответ последовал незамедлительно. Оказывается, незнакомец вышел из ресторана, сел в машину и уехал.

– А куртку он оставил здесь, в гардеробе, – добавил швейцар.

– Куртку... Куртка, куртка... Какая была у него куртка?

– Черная. меховая.

– Стриженная норка?

– Да... Я так думаю, он еще вернется. А вы, я так полагаю, из милиции...

Андрей кивнул. Не было у него настроения вдаваться в подробности.

Бежать за скрывшимся от него человеком он не стал. И караулить его у гардеробной было бы глупо. Ведь ничего противозаконного незнакомец не совершил, а то, что взятку предлагал, – так это бездоказательно.

Андрей повернул назад, но в это время в холл вышла Вика. Эффектная, ошеломляюще красивая женщина.

– А-а, Сизов!

И голос, полный гневно ликующего сарказма. Снисходительно-раздосадованная улыбка.

– Какими судьбами?

– Как это какими судьбами? – удивилась она.

– Ты же вроде бы в Москве должна жить.

– Вроде бы там и живу. Но и здесь часто бываю, у нас дом здесь, и родители Максима здесь живут...

– Очень рад за вас обоих, – не без ехидства сказал Андрей. – Мне пора.

Он обогнул Вику, чтобы продолжить путь.

– К этой спешишь? – напирая на шипящие, пренебрежительно спросила она.

– Ни к этой, а к Олесе.

– Красивая телка.

Андрей замер в изумлении. Медленно повернулся к Вике. Никак не ожидал он от нее таких слов.

– Она не телка.

– Что, втрескался?

– А ты думала, слезы буду по тебе лить?

– Не думала, но...

– Что, но?

– Ничего...

Вика и сама поняла, что переборщила. Не должна была она так себя вести, но сказала не подумав...

– Тогда бывай.

– Торопишься? Ну иди, иди...

Олеся делала вид, что ничего не произошло, но было заметно, как она нервничает.

– И где тебя носило?

– Потом расскажу, – подзывая к себе официанта, сказал Андрей.

– Можешь не говорить, и так ясно...

Ревнивые нотки в ее голосе звенели, как оркестровые тарелки после удара.

– Быстро же вы договорились, – язвительно усмехнулась она.

– Вы – это кто?

– Ты и эта... Ты на выход, она за тобой. Или ты думаешь, я ничего не видела?

– Я ни о чем ни с кем не договаривался.

– И о чем ты с ней говорил? Когда встречаетесь, где?

– Не говори глупостей... Мы даже не разговаривали. Разошлись как в море корабли...

– Но ведь ты нарочно вышел, чтобы она за тобой пошла?

– Нет, я за человеком пошел.

– За каким человеком?

– Долгая история.

– А ты коротко скажи! Если этот человек женщина, я все пойму.

– А ты колючка.

– Да уж поострей, чем ты...

– Этот человек – мужчина.

– Насколько я знаю, за мужчинами ты не бегаешь.

– Если это преступники, то бегаю...

– Ну да, ну да... Он что – преступник?

– Не думаю. Но отношение к уголовщине имеет. Тебе это неинтересно...

– Почему ты думаешь, что мне это неинтересно? – удивленно приподняла брови Олеся. – Может, мне все интересно, что касается тебя? А ты мне ничего про свою работу не рассказываешь. Про баб своих рассказываешь, а про работу – нет...

– Хорошо, расскажу, – улыбнулся Андрей.

Он даже рад был тому, что нашелся повод сменить тему. Да и она, вероятно, заинтересовалась его служебными делами, чтобы отвлечь себя от мысли о сопернице.

Официант подал счет, Андрей его оплатил и, стараясь не встречаться взглядом с Викой, повел Олеся к выходу. В гардеробной они оделись, затем покинули ресторан.

На улице было хоть и холодно, но достаточно комфортно для того, чтобы в свое удовольствие пройтись пешком. Тем более, что их дом был совсем рядом, может, чуть больше километра. Олеся взяла Андрея под локоть, плотно прижалась грудью к плечу. Ощущение приятное, но в таком положении сложно было идти быстро. Впрочем, они никуда не спешили.

– Ну чего молчишь, рассказывай, я жду. За кем ты гонялся?

– Гонялся. В том-то и дело, что гонялся. А он от меня убежал, даже куртку свою в ресторане оставил.

– Может, все-таки расскажешь, что произошло.

– Произошло. Случай у нас один нехороший произошел. Подследственный, бывший главный инженер водоканала, интеллигент, можно сказать, жил в камере спокойно, он никого не трогал, его не трогали. Жил-был, пока не умер...

– Убили?

– Нет, умер. Медицинское заключение – острая сердечная недостаточность.

– И что здесь интересного?

– А интересно то, что умер он ночью, а утром ко мне подходил мужчина, за которым я сейчас гонялся. Деньги мне предлагал, чтобы я Горбушину помог...

– Ты отказался.

– Само собой.

– Может, и правильно.

– Не может, а правильно... Вроде бы заботился он о Горбушине, а кто такой – не ясно. Я за ним не хотел гнаться. Просто хотел подойти, поговорить с ним, а он сбежал, зачем – не понятно. При нашей первой встрече он не показался мне робким. А сегодня – деру дал, даже про куртку свою забыл... Норковая куртка...

– Норковая? Хорошо живет.

– Может, и хорошо. Но что-то не чисто с ним. Нутром чую, не чисто... И вообще, вся эта история с нехорошим

душком...

– Конечно, нехорошим. Как же может быть хорошо, если мертвечиной пахнет. Брр!..

– Что, проняло? – усмехнулся Андрей.

– Проняло. Но не очень интересно.

– А что будет, если я тебе еще и про привидение расскажу?..

– Ночь. Темно. Самое время для баек из склепа? – пугливо, но в то же время весело улыбнулась Олеся.

– Вот, вот, байки из тюремного склепа. В наших тюремных подвалах в свое время зверствовали чекисты. В гражданскую контрреволюцию изводили, в тридцатые – врагов народа. Говорят, иногда души замученных людей дают о себе знать.

– Точно, байки.

– Да, но часовой стрелял в привидение по-настоящему. Думал, что заключенный бежит, открыл огонь, а нет никого... А в эту же ночь Горбушин умер...

– А может, это душа твоего Горбушина на волю убегала?

– Скажешь тоже...

– Шучу, конечно.

– Шутишь не шутишь, а у нас говорят, что появление призрака – плохой знак. Ласточка низко летит – к дождю, призрак на волю бежит – к трупам...

– Не знаю, как у вас там призраки бегают, а у меня точно мурашки по коже бегут.

– Только мурашек нам не хватало, – шутливо улыбнулся Андрей.

– Не дождешься...

Тема о привидениях и трупах благополучно была закрыта. Но и к разговору о Вике больше не возвращались.

Глава 5

Ключ со стуком вошел в замочную скважину. Как будто молотком по гвоздю в крышке гроба ударили, душа всколыхнулась, как водная гладь, в которую угодил большой камень. Жизнь и без того закончена, но изолятор временного содержания, сборная камера СИЗО, баня, прожарка – все это казалось Карцеву этапами, которые должен пройти мертвец на своем последнем пути. А сейчас как будто в гробу его доставили на кладбище. Надзиратель уже вколотил гвоздь в крышку, сейчас опустит его в камеру, как в могилу, закроет за ним дверь – как будто засыплет землей. И вечный мрак...

Он ожидал увидеть мрачную, битком набитую людьми камеру, где ни продохнуть, ни повернуться. Смрадный липкий воздух, тяжелая аура всеобщей агрессии, гнусные уголовные типы с подлыми намерениями... Еще он понимал, что действительность может оказаться намного страшней, чем ожидания. Поэтому несказанно удивился, когда увидел, что камера не совсем уж мрачная. Довольно-таки просторная, квадратов тридцать, не меньше. Стены выкрашены синей краской, бетонные полы – коричневой. Унитаз в кирпичном постаменте, с перегородкой, вокруг дешевый и плохо уложенный, но чистый кафель. Нары вдоль стен – сваренные из железных уголков и в два яруса лежаки. Стол посреди камеры, скамейки, прибитые к стенам тумбочки. Людей со-

всем не много, человек семь-восемь. Запах тяжеловатый, но не смрадный. Не жарко, но и не холодно. Словом, терпимо.

За столом трое, двое играют в нарды, третий смотрит. Остальные лежат на своих койках, вытянувшись во весь рост. Один читает, другой лежит с закрытыми глазами.

Появление новичка не осталось незамеченным. Сидевшие за столом арестанты оторвались от игры, повернулись к нему. Добродушный с виду здоровяк лет тридцати смотрел на него с насмешливым интересом, худосочный мужик с орлиным носом и челюстью пираньи скалился, взглядом обещающая ему неприятности. Парень со смешной курчавой головой смотрел на матрац в руках новичка, избегая встречаться с ним взглядом.

Самая дальняя от входа койка была закрыта ширмой из цветастой ткани. Но с появлением Карцева занавеска отошла в сторону, и со своего ложа поднялся среднего роста, хлипкий в плечах, злобнолицый человек лет сорока. На нем был шерстяной спортивный костюм, побитый молью, чудом сохранившийся с советских времен, стоптанные без шнурков кроссовки, в которые легко проскользнули ступни в шерстяных носках.

Карцев ни разу не был в тюрьме, но в свое время у него были знакомые из уголовной среды. Кое-что слышал он об арестантских порядках, знал, как нелегко бывает новичку, когда его берут в оборот бывалые эки. А этот злобнолицый, похоже, был коренным обитателем тюрьмы. Угрожающий взгляд,

хищный оскал, уверенная косолапая походка. Еще Георгий слышал, что в каждой камере есть старший среди всех, так называемый смотрящий. И место у него самое лучшее – в дальнем возле окна углу. А именно оттуда и восстал этот страшный гоблин...

– Кто такой? Прочему не знаю? – противным, скребущим по нервам голосом спросил он, небрежно покручивая в руке черные четки.

– Карцев я. Зовут Георгий.

– А чего не здороваешься, Гоша? И ноги не вытер, когда в камеру входил. Ты чо, в натуре, не уважаешь братву?

– Уважаю.

Карцев старался держаться с достоинством сильного и уверенного в себе человека. Он же не какой-то там доходяга, над которым можно издеваться всем и каждому. От природы он был крепкого здоровья. Рост метр восемьдесят, плечи широкие, руки сильные, кулаки будь здоров. И спортом он занимался – и раньше, и сейчас. А тут какой-то задохлик права качает... Но все равно страшновато. И голос предательски подрагивает.

– По первому ходу к нам заехал?

– Что сделал?

– Видно, что по первому разу, – злорадно оскалился злобнолицый. – Лет сколько?

– Тридцать девять.

– Большой уже. А нашей жизни не знаешь. Придется рас-

толковать.

– Растолкуй, – через силу выдавил Карцев.

– А не боишься?

– Нет.

– Храбрый, значит. Это хорошо... Скатку на эту шконку бросай.

Злобнолицый показал на свободный лежак у дверей, у стены, противоположной той, к которой примыкал унитаз.

– Здесь твое место будет.

– Спасибо.

– Ты чо, в натуре? – ощерился уголовник. – У нас не говорят «спасибо». Это заподло, понял? Ты чо, в натуре, ни разу не грамотный!

– Ты бы объяснил мне, а то я не все знаю...

– Не все знаешь... Ты вообще ничего не знаешь!.. Короче, без прописки тебе никак нельзя. Не будет прописки, не будет житья.

Карцев слышал о так называемой прописке, которую устраивают сокамерники новичку. Чтобы жизнь малиной не была. В чем конкретно состояла эта страшная, по слухам, процедура, он точно не знал. Но понимал, что мало ему не покажется.

– А-а, что-то надо сделать? – спросил он.

– А ты думал... Начнем с простого...

Злобнолицый жестом показал, что новичок может расстелить матрац. И когда Карцев это сделал, сел на край постели,

приглашая последовать примеру.

– Скажи мне, по какой статье тебя закрыли?

– Что сделали?

– Посадили.

– А-а... Сто пятая статья, убийство.

– Раньше за убийство под «вышку» ставили. А сейчас не казнят.

– Знаю.

– Если знаешь, тогда ответь мне на вопрос. Вот если в хату сейчас вломятся вертухай, выведут тебя на тюремный двор и вздернут на виселице, по какому закону они тебя повесят?..

– Нет такого закона.

– А вот и неправильно, – обнажая гнилые зубы, ухмыльнулся уголовник. – По закону всемирного тяготения тебя повесят. Сразу видно, что тупой...

Следившие за разговором арестанты оживились. Одни скалились молча, другие смеялись в голос. Карцев закусил губу с досады.

– Еще вопрос, – продолжал куражиться злолицый. – Встань.

Карцев сначала огляделся по сторонам, пытаясь выяснить откуда ждать подвох, и только потом поднялся.

– Что такое теория относительности?

– Ну, это из физики... Эйнштейн там... Инерциальные системы...

– А конкретно?

– Ну, все в мире относительно...

– Ты что сейчас делаешь? Стоишь?

– Стою.

– Стоишь. А на самом деле ты сидишь... Вот тебе и теория, гы-гы!..

Уголовник гоготнул, требуя того же и от своих сокамерников. Но в этот раз засмеялся только сидевший за столом курчавый паренек. И то, скорее по принуждению, чем по доброй воле.

– Еще вопрос!

Злолицый сделал паузу. Судя по выражению его лица, предстоящий вопрос не мог уже быть таким безобидным, как прежние. Так и оказалось.

– Что выбираешь, на болт сесть или вилкой в глаз получить?

Карцев похолодел. На первое он не согласится никогда, но и без глаза оставаться тоже не хотелось.

– Вилкой в глаз... – сжимая кулаки, пробормотал он.

Пусть только попробует кто подойти к нему с вилкой – драться будет до последнего.

– Вот это правильно! – поднимаясь из-за стола, громыхнул утробным голосом здоровяк.

Злолицый как-то сразу скис, глянув на него. Казалось, будь у него хвост, он бы пугливо поджал его.

А здоровяк неспешно перебросил ногу через скамейку, неторопливо приблизился к новичку. Заложив руки за спи-

ну, благодушно улыбнулся.

– На болт садиться не гоже, – игнорируя злолицего, обратился он к Георгию. – А вилкой в глаз... Вилки у нас здесь, брат, нет. Не положено... Но ты молоток, правильно фишку просек... Присаживайся!

Здоровяк показал Карцеву на его шконку. Злолицего там уже не было.

– Будь самим собой, – сказал он, присев рядом. – И не слушай всяких там бакланов...

– Я думал, он смотрящий, – оправдываясь, передернул плечами Георгий.

– Ну, когда-то, может, и был, – сказал здоровяк, насмешливо глянув на шконку, за ширмой которой скрылся злолицей. – Гудок его кликуха. Понтов много, а толку мало. А то, что шконка у него козырная, так на ней только летом и хорошо. Зимой из окна дует. И вообще... Я за камерой смотрю. Да ты не бойся, я не кусаюсь...

– Да я и не боюсь, – мотнул головой Карцев.

Смотрящий обладал внушительной силой – как внутренней, так и внешней. Но агрессивности и злопакогого нахальства – ноль. Обычный русский мужик, бесхитростный и добродушный в спокойной для себя обстановке. Безобидным он не казался, но и подвоха Георгий от него не ждал.

– Правильно, бояться не надо. Не верь, не бойся, не проси... Я слышал, тебя Гоша зовут...

– Георгий. Но можно и Гоша.

– Можно. Нормальное имя. А меня Федором зовут. Просто Федор. Погоняло есть, но я его не люблю, я ж не лошадь, чтобы меня погонять. Правильно я говорю?

– Ну да, – поспешил согласиться Карцев.

– А у тебя кликуха есть?

– Ну, была когда-то. В молодости. С пацанами во дворах тусовались. Компания у нас крутая была...

– Здесь, в Рубеже?

– Да, на Южной Доле. Может, слышал?

– Ну почему не слышал? Слышал.

– Наш район так уже никто не называет...

– Но ведь было?

– Было. Давно. И как будто неправда...

– Тридцать девять лет тебе?

– Ну да, почти сорок.

– Мне тридцать четыре. И вашу Южную Долю хорошо помню. Сам я из Алексеевки, – буднично спокойным тоном сказал Федор.

Но Карцев вздрогнул. Южная Доля, а если точнее, несколько кварталов на южной окраине города географически соседствовала с поселком Алексеевка. Издавна южно-дольцевские пацаны враждовали с алексеевскими. Сейчас вроде бы все спокойно, но раньше драки, и с поножовщиной, были привычным явлением.

– Да ты не напрягайся, – усмехнулся смотрящий. – Я к тебе претензий не имею. Хотя было, ходил я на вашу Южную

Долю... Да, были дела, не соскучишься... Назад бы вернуть все, сначала бы все начать. Ну да ладно... По сто пятой, говоришь, сюда попал. Убил кого?

– В том-то и дело, что не убивал, – мотнул головой Карцев.

– Ты не думай, я не стукач, – благодушным тоном сказал Федор. – И никогда не был... Я человек правильный по жизни, не сомневайся...

– Да я ничего. Просто я, правда, не убивал. Подставили меня.

– Ну, подставы, конечно, бывают. Но очень-очень редко, поверь мне...

– Не знаю, как редко, но я не убивал. Уходил, она живая была.

– Кто, баба?

– Ну да.

– Жена?

– Ну нет...

– Любовница?

– Да нет. То есть вроде бы да. Ну, мы в первый раз тогда, вроде как начиналось у нас... Началось и сразу закончилось. С летальным для нее исходом. Задушили ее. Кто – не знаю.

– А валят на тебя?

– Ну да... Сначала опера насели, затем следователь к стенке припер. Пальчики мои везде, паспорт... Если б только это. Спал я с ней, все улики в ней остались... Следователь напирает. Ты, говорит, сначала изнасиловал ее, а потом заду-

шил... Как будто я маньяк какой-то?..

– Изнасиловал, говоришь? – недобро как-то призадумался Федор.

– Ну нет, не было такого. Все по взаимному согласию.

– А задушил кто?

– Так говорю же, не знаю... Как будто кто-то нарочно меня подставил...

– А что, у кого-то интерес есть?

– Ну, не знаю.

– На воле чем занимался?

– Бизнес у меня свой. Мебелью торгую.

– Дорогая мебель?

– Да нет, эконом-класса.

– Нормально дело идет?

– Я бы сказал, шло.

Карцев чувствовал себя дураком. Не должен был он говорить, что занимается бизнесом. Федор может решить, что денег у него куры не клюют, предложит поделиться. Или еще, чего доброго, адрес разузнает, дружков своих с воли к жене зашлет...

– Что, без тебя никак? – спокойно, как о чем-то прозаическом, спросил смотрящий.

– Ну, без головы всегда тяжело.

– А что, компаньонов нет?

– Нет, сам с усам... Компаньоны – дело гиблое. Или подставят, или, что доброго, киллера наймут...

– Но ведь кто-то же подставил.

– Вот я и ломаю голову, кто...

– Ломай. Твои проблемы, твоя голова, тебе ее и ломать...

Только смотри – сам не сломайся. Тюрьма – дело тонкое, но может очень поперек горла встать. Ты, я смотрю, мужик ничего. Шконку тебе определили, здесь и будешь кантоваться. К людям присматривайся, но в душу не лезь. Пустые разговоры здесь не жалуют. Язык не распускай и руки тоже. За свару – спрос. Если вдруг какая с кем проблема – обращаться ко мне, я буду решать вопрос. Если какие-то вопросы – тоже ко мне. Привет кому-то передать – тоже через меня... В нарды играешь? – меланхолично спросил Федор.

– Ну, так...

– Если «ну, так», то лучше не садись. Иван Сидорович у нас в этом плане – хищник, – смотрящий показал на горбоносого мужичка с челюстью пираньи. – Любого в «шешбеш» порвет. Я сам знаток по этой части, но пару тысяч ему отдал. У нас тут только под интерес играют, такой закон...

– Я понимаю... Сам на деньги играл.

– Где, с кем?

– В бильярд. С друзьями иногда собираемся.

– Но у вас там, наверное, четко – деньги на кон и никаких гвоздей, – вспомнив запах свободы, растроганно улыбнулся Федор.

– Да, конечно...

– А у нас тут развести могут. Предложат на просто так

сыграть, а «просто так» – это место, на котором ты сейчас сидишь. Должен понимать, что может быть, если проиграешь.

– Понимаю.

– У нас в хате такого беспредела нет. Да и Зося на этап ушел... Зося у нас по картам был спец. Пять тузов в одной колоде, ну ты понимаешь...

– Шулер?

– Не могу сказать, – нахмурился Федор. – За руку не ловил. Если бы поймал – убил, а так – никаких претензий. И слова плохого сказать не могу. Потому что жизнь у нас такая – за слово спросить могут, не сейчас, так когда-нибудь. Так что за базаром следи. И вообще гляди в оба... А с Иваном Сидоровичем за доску не садись... Кстати, на воле у тебя кто остался?

– Жена.

– Кабанчика заслать не обещала?

– Посылку?

– Ну вот, уже и осваиваешься, – поощрительно улыбнулся Федор. – Да, про посылку разговор.

– Будет посылка.

– Добре. Часть на общак положено, остальное себе. Но опять же, хата у нас небольшая, столуемся всем гуртом. Ну не все, но в общем...

Смотрящий указал на двух кавказцев, парня и пожилого мужчину.

– Ильхаз и Тагаз. Мужики они смирные, ведут себя, в об-

щем, правильно, но за стол садятся после нас. Ты с ними лучше не связывайся, а то можешь не проснуться...

– Чего?

– Ильхаз, молодой, человека зарезал. Случайного прохожего. Тот его спяну по матушке послал, а этот за нож... Тагаз вообще в авторитете, ну, среди своих. За что повязали, не скажу. Не дело о таких вещах говорить. Но я бы на твоём месте держался от них подальше...

– А этот... – Федор перевел взгляд на неряшливого толстячка в роговых очках, одна дужка была заменена резинкой из трусов. – Чума его кличут. Черт по жизни. С ним за стол никто не садится. Он хоть и не петух, но руки ему лучше не подавай, а то мало ли...

Чума занимал самую крайнюю возле сортира шконку. Постное выражение лица, безучастный взгляд. Как будто не было у него никакого интереса в этой жизни.

– Да, и еще. Если кто-то за столом – на дальний ходить нельзя, – сказал смотрящий, кивнув в сторону сортира. – Сходил на точку – убрал за собой и, главное, помыл руки. Нельзя с загаженными руками ходить, косяк это – и для тебя, и для того, к кому прикоснешься...

Федор долго рассказывал о порядках в камере. Говорил спокойно и обстоятельно. Карцев внимал каждому его слову. Нравился ему этот человек, и неспроста у него возникла уверенность, что с таким смотрящим он не пропадет.

Глава 6

Несмотря на свою молодость, начальник оперчасти казался тертым калачом. Взгляд строгий, но не суровый. В глазах мудрость много повидавшего на своем веку человека. Скупая улыбка на губах подкупала своей суровой искренностью.

Майор Сизов бегло пролистал страницы личного дела, участливо посмотрел на Карцева.

– Как же так, Георгий Степанович, такой положительный с виду мужчина, и вдруг – убийство.

– Я не убивал.

Карцев продолжал отрицать свою вину, хотя и понимал, что ему никто не поверит.

– Но все улики против вас.

– И что с того? Допрашивать меня будете?

– Допрашивать? Я не следователь, чтобы допрашивать. И не адвокат, чтобы вызывать вас на откровенный разговор...

– Но вы же «кум».

– Кум? А может, еще и сват? Кум королю, сват министру... Шучу, шучу. Я прекрасно знаю, как называют меня уголовники... Но вы же не уголовник, Георгий Степанович. Вы чужой человек в этой маргиналии. Вы жили жизнью приличного человека, у вас жена, семья, бизнес. И я уверен, что вы только о том и мечтаете, чтобы поскорее вернуться к прежней жизни.

– Да, мечтаю. Но к чему этот разговор?

– К тому, что вы – просто оступившийся человек. И вам не по пути с уголовниками чистой воды...

– Допустим.

– Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо. Вы еще не осуждены, но я бы хотел, чтобы вы уже сейчас встали на путь исправления.

– То есть? – напрягся Карцев.

– Как начальник оперативной части, я обязан смотреть за порядком в камерах, выявлять готовящиеся преступления и так далее и тому подобное. Для того чтобы моя работа была эффективной, я должен владеть информацией обо всем, что творится в камерах, о настроениях заключенных, о разговорах, которые они ведут...

Карцев предвидел исход этого разговора «по душам». И уже сейчас был готов дать ответ.

– Короче говоря, вы хотите, чтобы я стал стукачом?

Вопреки ожиданию, майор Сизов не стал убеждать его в том, что стукачество и высокая сознательность – это не совсем не одно и то же.

– Да, я хочу, чтобы вы, Георгий Степанович, стучали, – отрезал он и обескураживающе улыбнулся. – Да, я хочу, чтобы вы стали моим стукачом.

– Но я никогда... – начал было Карцев.

Но майор Сизов его оборвал.

– Ваше «никогда» осталось там, за тюремным забором.

Забудьте то, что было там. Думайте только о том, что ждет вас здесь. А ждет вас – приговор и этап на зону...

– Тем более... – выдавил Георгий.

– Что тем более? – жестко усмехнулся начальник оперчасти. – Хотите стать своим среди уголовников?

Карцев вспомнил, что совсем не плохо устроился в своей новой арестантской жизни. Смотрящий Федор его жалует, сокамерники держат за своего, не обижают, есть, с кем за жизнь поговорить, – в общем, не все так уж и плохо. И не резон становиться стукачом.

– Может, и хочу, – с вызовом глянул он на «кума».

– Хотеть – одно, а стать – другое. Не будете вы своим.

Блатные будут вас привечать до тех пор, пока вам с воли будут присылать передачи... Вы же исправно получаете посылки?

– Да, – растерянно сказал Карцев. – А это вы к чему клоните?

– К тому, что нет постоянства в этом мире. И рог изобилия может иссякнуть...

– На что вы намекаете?

– Я не намекаю. Я даю вам время поразмыслить над сущностью вольного мира. У вас есть жена, насколько мне известно, она работает в банке, возглавляет кредитный отдел.

– Да, есть такое.

– Также у вас есть свой бизнес.

– Да.

– За убийство любовницы... – на последнем слове Сизов сделал ударение. Немного помолчал, затем продолжил: – За убийство вам дадут лет пятнадцать. В лучшем случае – десятку. Как вы сами думаете, захочет ли жена ждать вас? Сможет ли она простить вашу измену?.. После того как вас осудят, у нее появится право развестись с вами заочно. А еще у нее будет возможность вести ваш бизнес. Тем более, что у нее экономическое образование... Возможно, она захочет опереться на сильное мужское плечо... Все, молчу, дальше домысливайте сами...

Майор замолчал. Карцев провел рукой по взмокшему лбу. Он был озадачен. Кате тридцать два года – еще не старая, но и не юная. Наверняка уже сейчас в ее голове бродят мысли – как жить дальше. Да и мужчина интересный может подвернуться. Возможно, уже сейчас у нее есть любовник... Может, из тех, с кем она в бане... Его осудят, она подаст на развод. Сама или на пару с новым избранником присвоит себе все, что нажил муж. Он уйдет по этапу на зону, и некому будет посылать ему туда не то что посылки, некому будет сказать в его адрес и доброе слово... Сначала жена забудет, а потом и сын. Как бы не случилось так, что Ярослав станет называть папой другого мужчину...

– Чего вы от меня хотите? – голосом, похожим на стон, спросил Карцев.

– Я уже сказал, чего я от вас хочу.

– Но я никого не убивал. У меня есть хороший адвокат,

меня оправдают...

– Вы сами в это не верите, – покачал головой Сизов.

Увы, но он был очень близок к истине. Все улики свидетельствовали против Карцева, следовательно уверен в том, что убийца – он. И судью он склонит к тому же мнению...

– И что я выиграю, если соглашусь? – убито спросил он.

– Во-первых, хорошая характеристика с места вашего заключения. Мы убедим суд, что вы человек положительный со всех сторон. Тогда ваш адвокат сможет убедить его, что убийство вы совершили в состоянии сильного душевного волнения. Тогда вы получите всего три-четыре года. Во-вторых, я буду ходатайствовать перед начальником следственного изолятора о том, чтобы срок вы отбывали здесь, в отряде хозобслуги.

– В хозобслуге – одни козлы, – сказал Карцев, вспомнив утверждение Федора.

– Георгий Степанович! – удивленно и покровительственно усмехаясь, вскинул брови Сизов. – Не ожидал я от вас такого!

– Но ведь это так...

– Для зэков – так, а для вас... Вы же не матерый уголовник.

– Но у нас в камере нет матерых уголовников, – подавленно буркнул Карцев.

– Как это нет? А ваш смотрящий?

– Федор?

– Федор, – кивнул майор. – Федор Иванович Михалев. Он же Федя Скачок. Кличка у него такая – Скачок.

– Я не знаю его клички. Он не любит, когда так...

– Если не любит, когда по кличке, значит, порядочный человек?

– Ну... Он ведет себя порядочно...

– Это всего лишь видимость, Георгий Степанович. Видимость... Что такое «скачок» на жаргоне, знаете?

– Нет.

– Скачок – это ограбление. У вашего Федора три судимости. И все за ограбления. Кличку свою оправдывает... И четвертая судимость будет. Тоже ограбление. И это не делает ему чести...

– Ну, я не знаю, – пожал плечами Карцев.

Ему все равно было, в чем обвиняли Федора, лишь бы он к сокамерникам хорошо относился, чтобы оставался таким же добродушным и справедливым, как прежде.

– А вам и не нужно про него знать. У него своя жизнь, у вас – своя. Он среди блатных своим всегда будет, в зоне хорошо устроится, а что с вами там будет – вопрос... Плохо в зоне. Очень плохо. Уж поверьте мне...

Карцев представил мрачные и злобные физиономии закоренелых уголовников. Нет, своим он среди них не будет... Представил, как будет валить лес на лютom морозе...

– Я слышал, в хозобслуге можно условно-досрочное получить, – поежившись, жалко сказал он.

– При условии хорошей работы вполне. Если не будет жалоб, то через два года можете выйти на свободу...

– Всего два года? – приободрился Карцев.

– Да, всего два года. Плюс регулярные свидания с законной супругой... Кстати, можем оформить вам свидание в ближайшее время. В специальной комнате, в виде исключения... Видите, как все просто...

– Но для этого я должен стучать?

– Ну зачем так грубо? Вы должны информировать меня о том, что происходит в камере...

– Ну, если всего лишь информировать... Я согласен.

– Вот и договорились, – праздная удачную вербовку, широко улыбнулся майор Сизов.

Карцев уныло вздохнул. У мента маленькое будничное торжество, а у него – большая жизненная трагедия. Мало того, что оказался в тюрьме по обвинению в убийстве, так еще и встал на скользкий путь предательства.

– Подписывать мне ничего не надо? – сконфуженно спросил он.

– Нет, подписывать ничего не надо, – покачал головой начальник оперчасти. – Все уже записано, на магнитную пленку... Но вы не думайте, это не компромат. Это всего лишь небольшая памятка – для вас. Чтобы вы не забывали о своем, э-э, служебном предназначении...

Сизов провел короткий инструктаж на «служебную» тему, на этом разговор и закончился.

В камеру Карцев входил на негнущихся от волнения ногах. Тяжкие мысли угнетали, холодили душу. Вдруг Федор уже в курсе, что произошло с ним в кабинете начальника оперчасти...

А Федор смотрел на него, улыбался. И когда Георгий уместился на свою шконку, подошел к нему, подсел.

– Ну что адвокат сказал? – спокойным, располагающим к общению голосом спросил он.

– А-а, адвокат...

Карцев воспрял духом. Оказывается, Федор даже не знал, где он был. Все верно, конвоир выводил его из камеры для встречи с адвокатом... А встреча была с начальником оперативной части. Знал бы Федор, чем она закончилась...

– Так что с адвокатом у тебя?

– Да нормально все... То есть не очень... Но если постараться, то можно на сильное душевное волнение списать...

– Если платный адвокат, то сделает...

– Да, хороший адвокат. Платный... Жена заплатила...

– Хорошая у тебя жена. Адвоката наняла, посылки тебе шикарные шлет... Яблоки вкусные... Кислотность у меня повышенная, если яблоко с кислинкой – терпеть не могу. А твоя сладкие шлет...

– Места знает, где покупать, – улыбнулся Карцев.

Он поднялся со своего места, подошел к своему приделанному к стене шкафчику. Сунул руку под ширмочку, достал два больших желтых яблока, одно протянул Федору.

– Благодарю, брат, – улыбнулся тот.

Крепкими от природы и желтыми от табака зубами он вгрызся в сочную, аппетитно хрустящую мякоть. Казалось, именно для того он и подошел к Георгию, чтобы выцыганить у него этот плод. Но так только казалось...

– Если б твоя жена телевизор еще передала, – как бы невзначай сказал он.

– Телевизор? А разве можно?

– Розетки есть, значит, можно... Можно, можно, – широко улыбнулся Федор. – Раньше в камерах розеток не было. И лампочки в стену вмуровывали, чтобы провод к ней нельзя было бросить... А сейчас и розетки есть, и телевизор можно. Если есть. А у нас, как видишь, нет...

– Так ты бы мне сразу сказал, я бы организовал, – взбодражился Карцев. – А то вторую неделю здесь, а ничего не знаю...

– А не зажмет она ящик, нет?

– Да ну ты что! Дерьмо – вопрос!..

Для него было новостью, что в камере можно было держать телевизор. Если можно, то надо лишь решить вопрос с доставкой. А сам телевизор в любом магазине можно тысячу за пять-шесть купить, не проблема.

– Ну тогда заметано, – поощрительно улыбнулся смотрящий. – А то скучно без ящика...

– Скучно, – задумавшись, сумрачно сказал Карцев. – Без ящика. А если ящик будет, то...

– Что – то?

– Как бы в него не сыграть.

– Это ты о чем? – нахмурился Федор.

– Да так, каламбур. Игра слов.

– Хреновая какая-то игра... В натуре, как будто камень в мой огород бросил. Камера у нас правильная, беспредела нет вообще, все люди братья, типа того. Как у нас в ящик здесь сыграть можно?

– Извини. Это я сдуру...

– Да ладно, это ты меня извини. Тебе срок за мокрое шьют, а я к тебе тут со всякими разговорами... Да ты не бойся, сейчас за мокрое высшую меру не дают... Но могут пожизненное. Это еще хуже...

– Спасибо, утешил.

– В натуре... – добродушно улыбнулся Федор. – Ты это, извиняй. И в голову не бери. По твоей части пожизненное не дадут. Десять лет самое большее. А если сильное душевное волнение проканает, то и меньше... Короче, надо закрывать тему. А то, я смотрю, ты совсем с лица съехал... Давай в картишки перекинемся, – неожиданно, но как будто ненавязчиво предложил смотрящий.

– На просто так? – в шутливом тоне, чтобы прогнать тоску, спросил Карцев.

– Ага, счас!.. – весело ощерился Федор. – Если бы в «шешбеш», тогда можно. А в картах я не мастак...

Георгий не раз убеждался в том, что в нардах смотрящему

нет равных. В этом деле с ним мог потягаться только Иван Сидорович, но его еще три дня назад приговорили к сроку и перевели в камеру для осужденных. А карты Федор, видимо, не жаловал, если за все время, что Карцев провел в камере, ни разу не взялся за колоду.

– А есть карты?

– Обижаешь, брат! – возмутился смотрящий. – Я блатной, а блатной без карт – все равно, что паспорт без печати... Плохо, что в карты нельзя играть. Вертух если засветит, «куму» стукнуть может. А нам проблемы не нужны...

– Так давай не будем.

– Да знаешь, что-то захотелось. Грусть-тоску развеять... Здесь так и останемся, на твоей шконке. Вертух нас здесь не заметит... А сам ты же не стуканешь, нет?

– Я?! – ошалело протянул Карцев. – Стукану?! Ты за кого меня держишь?

Как это ни странно, но его возмущение было справедливым. Ведь он не собирался доносить «куму» о таком пустяке, как игра в карты. Глупо было бы размениваться на мелочи.

– Был бы ты стукачом, я бы к тебе не сел. А так ты правильный мужик, Гоша. Потому и замастырить с тобой хочу...

Смотрящий сходил к своей шконке, вернулся с колодой карт. Заводские, почти новенькие, еще пахнувшие полиграфической краской.

– Не бойся, не крапленые, – подмигнув Карцеву, сказал

Федор.

– Да я не боюсь.

– Ну и славно... Во что играть будем?

– Тебе видней.

– Тогда в двадцать одно. Ставки чисто символические. По смолячку на кон, и все дела... Курево у тебя есть?

– Ну а то!

У Карцева были не только сигареты, но и деньги. Арестантам не полагалось иметь наличность, но тюремное начальство закрывало на это глаза, если, конечно, в камере был полный порядок. Буза со стороны заключенных могла породить ответные репрессии с обысками и даже взбучками. Но у Федора все в порядке, поэтому надзиратели не зверствуют, не устраивают шмон в камере. Деньги Георгий получил позавчера, от адвоката, на встрече с ним... Впрочем, играть предлагалось всего лишь на сигареты. О более серьезных ставках речь пока не шла.

– У меня тоже все на мази.

Для убедительности Федор бросил на койку мягкую пачку «LM». Обмен не самый объективный, поскольку Георгий мог предложить сигареты более высокого класса.

– Один к одному? – осторожно спросил он, выкладывая на кон пачку «Мальборо».

– Один к одному, – не моргнув глазом, подтвердил Федор.

– Как скажешь, – Карцев не стал настаивать на более справедливой, по его мнению, пропорции.

Первым банковать выпало ему. Две карты он сдал Федору, себе – одну, «лицом» вверх. Вторую карту себе брать не пришлось, потому что смотрящий перебрал с картой, прихватил туза к одиннадцати.

Игра шла с переменным успехом, но в целом больше везло Карцеву. Мало-помалу он выиграл у смотрящего всю пачку сигарет. Но на этом счастье закончилось. В камеру вломился корпусной и объявил прогулку.

Вывели на тюремный прогулочный дворик. Было холодно, но уже пахло весной. Небо хоть и в решеточку, но ясное, и солнце яркое. Георгий загрустил. Домой бы сейчас, жену в охалку – и на дачу. И плевать, что ее по пьяной лавочке в одну баню с мужиками занесло... И надо было ему к Лизе ходить, отношения с ней выяснять...

После прогулки он завалился на шконку. Спал до самого ужина.

За столом Федор вел себя как обычно – важный, рассудительный, в меру добродушный. О том, что есть желание отыграться, даже не намекал.

К Георгию он пришел ночью. Подсел к нему на шконку, легонько толкнул в плечо.

– Извини, что разбудил.

– Да ничего, нормально все.

Не мог он злиться на рубаху-парня Федора, поэтому изображал улыбку, пальцами придерживая веки, чтобы не закрывались глаза.

– Не спится мне. Вот, потревожил... Может, раскинем стирь, а? Раз уж начали, чего не продолжить...

– Да можно. Завтра же выходной, – продолжал улыбаться Карцев.

– В каком смысле выходной?

– В том смысле, что на работу ехать не надо...

– Ну да, в нашей санатории всегда выходной...

– Точно, санаторий, – усмехнулся Карцев.

Он вспомнил, как однажды, по молодости, получил профсоюзную путевку в Юрмалу. Отличный санаторий, коттеджи для холостяков, пятиразовое питание на убой, море. Все хорошо, только январь месяц – холодина и острый дефицит свободных женщин. До обеда – процедуры, после – преферанс до самой ночи... И здесь, как в санатории, – карты по ночам.

– Ставки прежние, – сосредотачиваясь на игре, сказал Федор. – Моя очередь банковать...

С первого захода смотрящий проиграл, со второго и третьего тоже... В конце концов просадил Георгию вторую пачку. Но спустя время отыграл ее. Федору сопутствовал успех, и он вернул свой дневной проигрыш.

– Чего мелочиться? Давай по целой пачке на кон? – азартно предложил он.

Карцев согласился, и был вознагражден за смелость. Федор просадил ему весь свой запас курева.

– Слушай, а ты не шулер? – подозрительно спросил он,

вглядываясь в Георгия.

– Да нет, просто везет, – глупо улыбнулся тот.

– А то, может, под бизнесмена косишь, а сам честной народ катаешь...

– Зачем так говоришь? – нахмурился Карцев.

– Тсс! Извини! Маху дал... Не люблю проигрываться...

Ладно, давай на бабульки. По сотенной на кон.

– А если мне дальше везти так будет? – настороженно спросил Георгий.

– И что? Боишься, что у меня бабла нет?

Федор сходил к своей шконке, вскрыл заначку, зашитую в матрац. Вернулся с деньгами. Купюра достоинством в тысячу рублей и несколько сотенок.

– Вот, засветил. Доволен?

– Ну давай... – пожал плечами Карцев.

Он боялся собственного успеха. Не хотел, чтобы Федор остался в проигрыше и затаил на него злобу. Но деваться уже некуда – смотрящий уже вошел в раж.

Как назло, Георгию продолжало везти. А если фортуна и отворачивалась от него, то совсем ненадолго. В конечном итоге он оставил Федора без денег.

– Давай, дальше! – разгоряченно потребовал тот.

– А ставить что будешь? – с чувством неловкости за свою чрезмерную везучесть спросил Карцев.

– В долг играть буду... Ты что, Гоша, не веришь мне, честному вору?

– Верю.

– Тогда ручку бери, бумагу, записывай все, что я проиграл...

Записывать пришлось много. И в основном в графу «долг». Федор проиграл одну тысячу, вторую... Георгий пытался его урезонить. И даже пообещал простить долг.

– Это ты мне?! – возмутился Федор. – Мне, честному вою, простить долг?! Гоша, ты мне этого не говорил, понял? А я этого от тебя не слышал! Ясно?

Карцев обреченно кивнул. Он чувствовал, что фортуна не оставит его. И с камнем на сердце выиграл у смотрящего еще несколько тысяч – в счет долга.

Он лишь облегченно вздохнул, когда Федор сумел отыграть четыре тысячи. Но совершенно не расстроился, когда удача снова повернулась к нему лицом. Ощутил, как играет его кровь... А потом фортуна снова отвернулась. Федор к тому времени умножил ставки. Сначала он отыграл все свои деньги, затем прибрал к рукам всю наличность Карцева. И даже заставил его влезть в долг – ненамного, но все же.

Георгий сделал ставку, выиграл, выбрался из зоны долга. Ему бы остановиться, но азартный характер не позволял. И Федор своим завораживающим взглядом держал его в напряжении, как будто энергетические дровишки подбрасывал в топку страстей... В душе бушевал огонь, но сознание почему-то подернулось вязкой пеленой дремы. Не только смотрящий, но и сама ночь действовала на него гипнотически...

Опомнился Карцев, когда Федор назвал астрономическую сумму его долга. Сто восемьдесят тысяч фунтов.

– Фунтов?! – ошалело протянул Карцев.

Ему казалось, будто он только-только проснулся. Снился какой-то кошмар с добродушным Федором в роли злодея. А озвученный его устами вопрос – всего лишь отголосок этого страшного сна.

– Сто восемьдесят тысяч фунтов, – весело улыбнулся смотрящий. – Вот, у меня здесь все записано.

Он показал ему кривоватые колонки цифр на игровом листке.

– Да, мы говорили о фунтах... – напрягая ум, вспомнил Георгий. – Один фунт – это четыреста наших грамм...

– Фунт – это английский фунт стерлингов, – отрезал смотрящий.

– Я думал, что мы играем на рубли, – возмущенно протянул Карцев.

Хоть и смутно, но все же он помнил, как пытался отыгаться. Но тогда разговор шел о рублях. Он проиграл несколько тысяч. Или даже десятков тысяч... А оказалось, что реальный счет шел на сотни тысяч...

– На рубли, – легко согласился Федор. – Один фунт приблизительно равен пятидесяти российским рублям. Итого ты, Гоша, должен мне девятьсот тысяч рублей... Говорю же, у меня все записано. Да и очевидцы есть...

С соседней через проход шконки Георгию весело пома-

хал рукой Дема, его нахлебник и заодно приспешник Федора. Видел парень что-то или нет, но, однозначно, он подтвердит слова смотрящего.

– Девятьсот тысяч?! – схватился за голову Карцев.

Невозможно было поверить, что он мог проиграть столь огромную даже для него сумму. Казалось бы он контролировал ситуацию. И совсем непонятно, как он мог утратить бдительность.

– Девятьсот, – добродушной улыбкой подтвердил смотрящий.

– Но у меня нет таких денег!

– Зачем тогда в карты сел играть?

– Я играл на сигареты...

– Мне все равно, с чего ты начал. Главное, чем закончил...

– Но это нечестно, – холодея, пробормотал Карцев.

– Как это нечестно? – насупился Федор. – Ты мог обуть меня на девятьсот тысяч. А обул я тебя. Мне повезло, а тебе нет. Так что думай, как вернуть мне долг. Срок у тебя небольшой – всего неделя.

– Я... Я не знаю, как вернуть...

– У тебя бизнес, у тебя деньги.

– Но свободных денег нет...

– Это не мои проблемы, – хищно сверкнул взглядом смотрящий. – Знаешь, как называют людей, которые не отдают долг? Фуфлыжниками. Да и не люди это... Сначала их опускают, а потом на нож... Ну чего палишься на меня, Гоша? Я

тебе долг прощать не собираюсь, и не надейся. Через неделю, если не будет денег, тебя опустят. У параша жить будешь. Пока не прирежут ненароком... А долг твой с твоей жены скачают. Люди к ней придут, говорить с ней будут. Очень плотно говорить. Все до копейки отдаст, поверь...

Закончился добродушный Федор. Только сейчас до Карцева дошло, что он имеет дело с коварным и жестоким хищником Федей Скачком, прожженным уголовником-рецидивистом.

Глава 7

Майор Сизов сочувствующе смотрел на обитателя двести двадцать шестой камеры. Карцев Георгий Степанович, в прошлом бизнесмен, а в настоящем – лох и стукач.

– Я же говорил вам, кто такой Федя Скачок. Вор он и грабитель, с большим уголовным стажем. Волк он в овечьей шкуре. Вы ему доверились, а он вам в горло мертвой хваткой...

– Мертвой, – подавленно кивнул Карцев.

– Развел он вас, как лоха развел.

– Как лоха...

– Я же говорил, что у него три судимости. Он три раза в зоне был. А вы в карты с ним играть сели. Глупо.

– Что же мне теперь делать?

– Игра в карты в нашем учреждении запрещена. Но это не значит, что вы не должны отдавать долг, – сожалеюще развел руками Андрей. – То есть я должен уговаривать вас не отдавать деньги, но, увы, я не имею на это морального права. Карточный долг для уголовников – это свято. Не отдал долг – ты не человек...

– Да, мне говорили, – обреченно кивнул Карцев.

Он был из породы крепких на вид мужиков, способных противостоять слабым, но ломающихся под натиском сильных.

– Я, конечно, могу перевести Михалева в другую камеру, но это вас не спасет.

– Я понимаю.

– Можно запереть вас в одиночную камеру под особый надзор. Поверьте, уголовники на рожон лезть не станут. Но вы можете заболеть, вас переведут в санчасть, там все и может случиться... Если не получится здесь, то вас достанут на этапе или в зоне...

– Вы же говорили, что я здесь останусь.

– Если говорил, значит, останетесь. Но ведь рано или поздно вы окажетесь на воле. А у воров и на воле власть. И девятьсот тысяч – очень большие деньги для того, чтобы оставить вас в покое... К тому же у вас на воле осталась жена, они могут начать с нее...

– Этого я и боюсь.

– Да, бояться надо. Но не стоит отчаиваться.

– Я не отчаиваюсь, – тяжело вздохнул Карцев. – Просто обидно...

– Обидно не обидно, но долг нужно отдавать. Если, конечно, хотите спокойно жить.

– Или вообще жить... Но девятьсот тысяч! Вы хоть представляете себе, какие это деньги?

– Представляю. Мне лет десять нужно работать.

– Мне – меньше, но все равно накладно...

– Боюсь, что с деньгами вам помочь не могу. Изолировать от уголовной среды – пожалуйста, а в остальном – увы...

Кстати, насколько я знаю, ваша жена работает в банке.

– Уже нет, – сокрушенно мотнул головой Карцев. – Хотел, чтобы она уволилась. Когда хорошо все было, хотел. Так она заявление написать не успела. Но на работе не осталась. Попросили по собственному желанию. Из-за меня. Меня же обвиняют в убийстве сотрудницы ее отдела. Я как бы скомпрометировал ее. Вот ее и попросили... Ничего, я дачу продам. Жена в курсе, вроде бы и покупателей уже нашла, и связи у нас в регистратуре... Лишь бы только не подвела...

– А срок – неделя?

– Уже меньше. Четыре дня осталось.

– Ничего, если к сроку не успеете, я Михалева на разговор вызову. Продлит он вам срок...

– Хоть на этом спасибо.

– Да, Георгий Степанович, попали вы в ситуацию...

– И в тюрьму попал, и в ситуацию вляпался... Деньги-то я отдам, а от убийства как откреститься?

– Боюсь, что этот вопрос не ко мне.

Конвоир увел Карцева, но после него осталось тягостное ощущение. И дело не в том, что этот арестант не вызывал симпатий в душе Сизова. Слишком много денег проиграл Карцев. Плохо работала тюремная оперчасть. Где-то недоработал Андрей, где-то недосмотрел. Вроде бы и подсказал Карцеву, что Федя Скачок – опасный рецидивист. Но, видимо, слабой была эта подсказка...

А Федя Скачок – хорош. В карты играть он мог как любой

каторжанин с большим стажем, и мухлевать умел. Но раскрутить сокамерника на столь огромную сумму... Или Карцев повел себя как последний лох, или Федя большой спец в карточных играх... Так или иначе, но Карцеву не позавидуешь...

Что-то подсказывало Андрею, что не сможет должник отдать все деньги в срок. Поэтому на следующий день он вызвал к себе в кабинет смотрящего из двести двадцать шестой камеры.

Федя не гнал волну, не бросал пальцы веером. Поздоровался со сдержанной вежливостью, дождался, когда начальник оперчасти предложит ему присесть.

Андрей выложил на стол пачку сигарет.

– Можешь закурить.

– Благодарствую, начальник, у меня свои, – без дешевого апломба, но с достоинством ответил Михалев.

Андрей внимательно смотрел на него. Крупной комплекции мужчина. Простосердечный с виду, но опасный изнутри. Не был он похож на махрового уголовника, обладал располагающей внешностью. На этом он и поймал Карцева.

– Хорошо живешь, если свои, – пристально глядя на Михалева, одними губами криво усмехнулся Сизов.

– Да не жалуюсь.

– Снабженец, говорят, у вас неплохой появился.

– Снабженец? – изобразил удивление Федя.

– Мужик куражный. Так понятней?

– Это вы про Гошу, начальник? – широко улыбнулся Михалев.

Он был старше Сизова, но избегал обращаться к нему на «ты». Осторожничал, не желая будить лихо.

– Значит, понял, о чем я... Жирных кабанчиков ему с воли засылают?

– Кабанчиков? Ну да, жирные дачки, не вопрос.

– И он с вами делится?

– Так у нас же один стол, начальник, как не делиться?

– Если посылки жирные, значит, и деньги у мужика водятся.

– Это вы к чему? – насторожился Скачок.

– К тому, что развел ты лоха. На девятьсот тысяч рублей.

– И какая ж курва донести успела? – вскинулся Михалев.

– Давай без эмоций... – поморщился Андрей. – Лучше расскажи, как это тебе удалось?

– Да не было ничего, начальник.

– Ну не было, так не было... Смотри, Федя, девятьсот тысяч – деньги большие, клиент может и не уложиться в срок. Ты меня понимаешь?

– Не совсем.

– Если Карцев не успеет, ты уж, будь добр, подожди, еще недельку-другую... Мне беспорядки в камере не нужны.

– Теперь понимаю. Мне и самому бардак в камере не нужен. А деньги, правда, большие... Вы, это, не переживайте, все тип-топ будет. Разберемся мы с Карцевым... Он что,

деньги уже собирает?

– Это ты меня спрашиваешь? – Андрей сумел изобразить праведное возмущение и удивление.

– Ну, он же у вас был... – продолжал выпытывать уголовник.

– Зачем он мне? Он убийца, преступник, какое мне дело до его проблем? Мне порядок в камере нужен. Порядок!.. И пеняй на себя, если хоть один волос упадет с его головы! Ты меня понял?

– Понял, начальник. Тип-топ все будет, обещаю.

Михалева увели. Андрей вытащил из пачки сигарету, зажег ее, глубоко затянулся. Нехорошее предчувствие тяготило душу. Не закончится добром эта история...

* * *

На Екатерину страшно было смотреть. В глазах отчаяние, на лице страдальческая гримаса. Она еще только бралась за телефонную трубку, а Георгий уже понял, что произошло нечто ужасное.

– Дача сгорела, – всхлипнув, сообщила она.

– Этого не может быть!

Карцев был близок к тому, чтобы швырнуть в нее трубку. И пар бы спустил, и с женой бы ничего не случилось: ведь их отделяло друг от друга толстое плексигласовое стекло.

Не так давно майор Сизов обещал ему свидание с женой в

специальной комнате, но пока что у него была возможность видиться с ней на обычных условиях... Лучше бы не видел он сейчас Екатерину, лучше бы она ничего ему не говорила.

– Как мог сгореть кирпичный дом? – недоумевая, спросил он.

– Кто-то бросил в окно бутылку с зажигательной смесью, – подавленно вздохнула жена.

– Кто?

– Я не знаю... Пожарные сказали, что это был умышленный поджог...

– А деньги?! – спросил Георгий с надеждой. – Ты же говорила, что продала дом.

– Продала, – жалко кивнула она. – Были покупатели. Составили договор, договорились с регистрацией, обещали за день-два сделать. Они бы завтра забрали свидетельство о регистрации, а я бы забрала деньги... Но нет больше дома. Покупатели отказались отдавать деньги...

– Они что, сразу узнали о поджоге?

– Да, сразу.

– Может, это они и подожгли дом?

– Зачем?

– Чтобы деньги обратно вернуть.

– Они приличные люди. Им легче было бы расторгнуть сделку, чем поджечь.

– Дом застрахован.

– Частично. Всего на двести тысяч рублей... Да и деньги

раньше чем через месяц не получишь...

– А мне деньги нужны завтра!

– Придется немного потерпеть... Я договорилась в банке, мне дадут кредит... Но на это нужно время. Минимум неделя...

– Сразу надо было договариваться.

– Но ты же сам сказал дачу продать...

– Я же не знал, что она сгорит. И в регистрации у нас блат... Короче, делай что хочешь, но чтобы завтра деньги были.

– Я наскребла четыреста тысяч.

– Мало. К Вадиму сходи. Он, конечно, не Рокфеллер, но, может, хоть стошку накинёт...

– Может, лучше к Максусу?

– Он в Москве?

– Нет, я его здесь видела.

– Тогда к нему! И чем быстрее, тем лучше!

Сейчас Карцева могло радовать только то, что Екатерина целиком и полностью стоит на его стороне. Девятьсот тысяч – деньги не шуточные, но она готова добыть их любой ценой, лишь бы выручить мужа из беды... Но не было радости. Только тоска до тошноты в горле и горькая жалость к самому себе.

После свидания с женой конвоир должен был отвести его в камеру, но он доставил его в кабинет начальника оперчасти.

– Ну что с деньгами? – вроде бы участливо, но со скучающим видом спросил майор Сизов.

– Пока никак, – с обреченным видом кивнул Карцев. – Сгорели деньги, вместе с дачей...

– Дача сгорела?

– Только стены остались.

– Незадача.

– Как будто нарочно кто-то постарался.

– Кто?

– Хотелось бы знать...

– Не думаю, что это пособники Скачка.

– Зачем им это? Им деньги нужны... Завтра они к жене моей за деньгами придут. А если она не достанет?

– Друзья у вас на воле есть? – в раздумье спросил Сизов.

– Да, есть... Но они сейчас на мели. У Вадима фирма своя, но у него не особо разживешься. Макс хорошо поднялся, если он сейчас здесь, то поможет...

– Поможет, то есть денег даст?

– Точно. Без процентов и без гарантий... Лишь бы только Катя его нашла...

– С деньгами вы уж сами разбирайтесь. Меня больше ваша безопасность интересует. И безопасность вашей жены, если уж на то пошло. Пусть завтра с ней друзья ваши будут. Если ваш Макс такой богатый, пусть охрану к ней приставит...

– Мне бы Максиму позвонить...

– Как?

– Вот я и думаю, как...

На столе начальника оперчасти стоял телефон с наборником номера. По нему можно было бы позвонить Максусу.

Сизов понял намек, показал на телефон.

– Что ж, называйте номер.

– Я только что с ней говорил, – вспомнил Карцев. – Она к Максусу должна была ехать. Вряд ли доехала... Мне бы попозже позвонить...

– Когда?

– Ну хотя бы часиков в семь вечера.

– У вас должен быть мобильный телефон.

– Не положено, – мотнул головой Карцев.

– Так уж и быть, я закрою на это глаза.

– Есть телефон, а что толку?

Сотовые телефоны были у многих, но ни один из них не мог обеспечить связь с волей. В тюрьме круглосуточно работал мощный генератор помех, глушитель сотового сигнала.

– Могу посодействовать. Сегодня вечером ровно в восемнадцать тридцать я отключу генератор. Но всего на пять минут... И завтра. В то же время. Чтобы вы позвонили жене...

– Спасибо большое.

– Чем могу, тем помогу. Но не более.

– Я понимаю...

Вернувшись в камеру, Карцев первым делом достал из тайника мобильный телефон. Для вида попытался позвонить раз, другой. Федя Скачок не обращал на него внимания, пре-

спокойно играл в нарды с Гудком. Лишь один Дема, глядя на него, с презрительной гримасой покрутил пальцем у виска.

Но Георгий продолжал набирать номер жены. И ровно в восемнадцать тридцать, как и было обещано, он смог услышать ее голос.

– Катя! Как дела? Была у Макса?

Он торопился. За пять минут нужно было успеть и с женой поговорить, и подзабытый телефон Макса узнать.

– Была. Он обещал. Завтра с утра снимет со счета, передаст мне...

– Отлично, – облегченно выдохнул Карцев.

Отпала необходимость звонить Максу. С Екатериной будет говорить, пока генератор не включат.

Краем глаза он видел, как очумевший Дема лезет под подушку за своим мобильником.

– Ко мне уголовники приходили, – упавшим голосом сообщила Катя.

– Как – приходили? – содрогнулся от дурного предчувствия Георгий. – Когда?

– Только что ушли... В дом не заходили, вежливые такие, а глаза страшные-страшные... Я сказала им, что деньги завтра будут. Сказали, что...

Что сказали жене посланники Феди Скачка Карцев не узнал. Включившийся раньше времени генератор растворил голос жены в оглушительном эфирном шуме.

– Черт! – вслух выругался Дема, который, похоже, кому-то

дозвонился, но не успел сказать ни слова.

Глянув на Карцева, он сполз со своей шконки, подошел к нему. Подозрительно спросил:

– Слышь, а как ты узнал, что менты глушилку вырубят?

– Это что, предьява? – вскинулся Георгий.

Дема был для него дешевой сывкой, с которым совсем не боязно было связываться. И кулаком в морду заехать – без проблем. Если, конечно, смотрящий позволит.

– Что за шум, а драки нет? – поднимаясь со своего места, спросил Скачок.

На лице все та же фирменная простодушная улыбка, но Карцев уж знал, какой черноты душа за ней скрывается.

– Да, это, телефон вдруг заработал, – сконфуженно сказал Дема. – А Гоша сигнал поймал. Говорил с кем-то...

– И что?

– Ну, подозрительно... Может, подсказал ему кто, что глушилку отключат...

– Кто мог ему подсказать? – в упор глядя на Дему, глухо спросил смотрящий.

– Ну, мало ли кто?

– Менты что ли?

– Я этого не говорил, – отрекся от собственных слов Дема.

– Как не говорил, если говорил? – гневно спросил Карцев. – За свои слова отвечаешь?

– Отвечаю.

– Дема, это предьява, – нехорошо посмотрел на парня Фе-

дя.

– Гоша гонит, в натуре!

– Дема, это косяк... Гоша, можешь спросить с него.

Карцев сразу воспользовался полученным разрешением. Схватил Дему за грудки, затащил в угол, скрытый от надзирательского глаза, прижал к стене и ударил кулаком в живот. Когда парень согнулся пополам, ударил ребром ладони по шее. Дема даже и не пытался отрицать, что был слабым для него противником.

– Видишь, Гоша, у нас здесь все чисто по понятиям, – нехорошо улыбаясь, сказал Скачок. – Накосорезил пацан, получил по горбу... Ты понял, Дема? Нельзя людей понапрасну хаять. Любую предьяву обосновать надо...

– Понял я все, – поднимаясь с пола, буркнул парень. Он забрался на свою шконку, там и затих.

И Карцев устроился на своем ложе. Тут же к нему подсел Федя.

– Круто ты с пацаном, – ободряюще подмигнув, сказал он.

– За базаром пусть следит.

– Правильно, наукой будет... Я же видел, ты с пяти часов названивал. Жене пытался дозвониться?

– Да.

– Как я понял, дозвонился.

– И что? Зачем к ней люди твои приходили? – разволновавшись, спросил Карцев.

– Как зачем? За деньгами!

– Договорились же, что в последний день...

– Сегодня последний день, – невозмутимо сказал Скачок.

От возмущения у Карцева подскочило давление – голова закружилась, перед глазами все поплыло.

– Как сегодня?! Завтра же! Ты же неделю срока давал!

– Правильно, сегодня ночью заканчивается неделя. Мы же ночью с тобой в карты играли. Сегодня последний день, завтра – последняя ночь. Срок истекает в три часа ночи.

– Значит, мы не так поняли друг друга!

– Это ты меня не так понял. Но это твои проблемы, – безжалостно сказал Федор и оскалился.

– Но есть же деньги! Девятьсот тысяч!

– Твоя жена сказала, что нет...

– Завтра все будет! Все, до копейки!

Федор думал долго.

– Ладно, так уж и быть. Завтра до пятнадцати ноль-ноль деньги должны быть.

– Завтра, до пятнадцати ноль-ноль...

Карцев почувствовал такое облегчение, будто стоял на коленях с головой на плахе, но судья в лице благородного Федора Михалева в самый последний момент зачитал оправдательный приговор...

Глава 8

Судя по голосу, Катя была близка к обмороку.

– Я ничего не понимаю! Сначала пришли двое, сказали, что от Федора. Через час другие. Тоже от него. Те же, что и вчера были...

– А деньги ты кому отдала? – чувствуя, как немеют пальцы рук, спросил Карцев.

– Тем, которые первыми пришли...

– В какое время они приходили? До трех или после?

– А что, есть разница?

– Большая разница!

– До трех!

– А те, другие?

– После трех...

Полученный ответ несколько утешил Георгия, но чувства облегчения он не испытал.

– Тогда ладно...

– Дорогой, тут с тобой Макс поговорить хочет!

Екатерина передала трубку Максиму.

– Гоша, брат, что за дела! – возмущенно пробасил он. – Почему я только вчера узнал, что ты в тюрьме?

– Думал, что ты в Москве.

– Ну и что, если в Москве? Все равно позвонить надо было... Обидел ты меня, брат. Но раз уж такое дело, то я тебя

прощаю. Что надо, проси, ни в чем не...

На этом разговор и закончился – благодаря генератору помех.

– Гоша, ну ты пророк, в натуре! – на мажорной ноте заискивающе протянул Дема. – Ровно в восемнадцать тридцать, так же, как и вчера...

– Вчера случайно было, – думая о своем, нехотя отозвался Георгий. – А сегодня не совсем... Может, у ментов перемена в это время?

– Может быть, – поспешил согласиться Дема. – Но факт есть факт. Завтра будем ловить волну.

К Карцеву подошел смотрящий. Снисходительная улыбка, безмятежный взгляд. Он тоже только что разговаривал по телефону. Судя по его виду, посланные им люди получили причитающиеся деньги.

– Все в порядке? – с окрепшей надеждой спросил Георгий.

– Что – все в порядке?

– Ну, деньги взяли?

– Скажи, Гоша, ты своей жене доверяешь? – меняя милость на гнев, спросил смотрящий.

– Доверяю, – сглотнув слюну, выдавил Карцев. – А что?

– Я не знаю, кого хотела кинуть твоя жена – меня, тебя или нас, вместе взятых?

– Она... Она не кидала...

– Тогда почему она сказала, что деньги забрали другие люди?

– То есть... Ты хочешь сказать... Твои люди не получили деньги?

– Не получили. Или твоя жена кинуть меня хотела. Или ты. Или ты вместе с ней.

– Федор, ну ты чего! – шалея от страха перед жестокой расправой, воскликнул Георгий. – Да чтобы я! Были деньги!.. Твои люди когда приходили, до или после трех?

– Какая разница?

– Ну ты же ставил срок до трех часов дня.

– Если до трех, значит, после трех приходили. Чтобы на-верняка... А вместо верняка, флюс на всю морду!.. Короче, я не знаю, кто из вас меня кинуть хочет, но при любом раскладе, ты долг не вернул.

– Но были же деньги! – в панике крикнул Карцев.

– Не было! – безапелляционно отрезал Скачок.

Георгий понял, что попал в западню. Или Федор жестоко развел его в очередной раз, или кто-то другой обманул его, но так или иначе долг не выплачен и деньги придется собирать вновь. Иначе не выжить...

– Будут деньги! Дня через три! Подождешь?

Надо будет созвониться с Максом, объяснить ему ситуацию, он поможет. У него серьезный бизнес в Москве, девятьсот тысяч для него пустяк. Макс еще раз одолжит ему деньги, а Катя со временем рассчитается с ним из доходов, которые приносит мебельный бизнес.

– Три дня? – задумался Скачок.

– Всего три дня... Ты дашь мне свои паспортные данные, жена откроет счет в банке на твоё имя, переведет на него деньги. Так будет надежней...

– Надежней всего отдать деньги моим людям.

– Да ты пойми! Катя отдала деньги. Девятьсот тысяч. Но не тем людям!..

– Это не мои проблемы... Хорошо, дам я тебе паспортные данные. Пусть твоя жена откроет банковский счет. И чтобы через три дня деньги были там.

– Может, лучше через четыре? – унижаясь, спросил Карцев. – Я ей только завтра позвонить смогу. И то, если глушитель выключат...

– А выключат? – пронзительно посмотрел на него Скачок.

– Не знаю.

– Вот и я не знаю... Маляву жене чиркнешь. И штуку денег с тебя, за доставку. Завтра утром малява будет у нее...

Зёковская почта в тюрьме работала исправно. От решетки одной камеры к другой тянулись нити, по которым «гоняли коней» – то есть перетягивали от одного адресата к другому записки, даже мелкие передачи для особо важных в арестантской иерархии персон. В прежние времена можно было просто перекрикаться между камерами, но сейчас во дворе тюрьмы почти что круглосуточно работала радиоточка, создавая когда приятный для слуха, когда раздражающий шум. Но ещё осталась возможность переговариваться через перегородки между камерами – посредством «тром-

бона», обыкновенной кружки, которая одной стороной прикладывалась к уху, а другой к стене. Самым курьезным и каверзным способом связи было общение через унитаз. Вроде бы все просто – выкачиваешь воду из фаянсовых ваз соседних камер, которые выходят в одну трубу. Дальше через образовавшиеся пустоты передаются записки и мелкие посылки. Но не очень это приятное дело – осушать унитазы, да и руку совать в дырку – брр. Далеко не всякий уважающий себя арестант решится на это...

Всеми возможными способами малявы и устные сообщения передавались в некий единый информационный центр, откуда они уходили на волю или шли дальше по этапам тюремной почты. Но для связи с волей был еще более действенный способ – напрямую, через надзирателей. Но не каждый инспектор соглашается быть почтальоном даже за деньги. А кто и занимался этим, тот связывался только с теми, кого знал и кому более или менее доверял. У Федя Скачка был выход на такого вертухая, и именно сегодня он мог отправить почту по своему каналу.

Карцев написал записку жене с кратким описанием постигшего их несчастья, отдал ее смотрящему в надежде, что на пути к адресату его послание попадет в руки главного тюремного «кума». Майор Сизов толковый парень, он поймет, что произошло, примет меры...

Голова была забита мрачными мыслями. После отбоя Георгий и рад был бы заснуть, но мысли не давали покоя, раз-

гоняли сон. И немытое тело также давало о себе знать. Он измучился, исчесался, но в конце концов, глубоко за полночь, все же заснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.